

18+

Гилберт Майер
Смертельный сеанс

Анастасио Д.
Миссия в Вашингтоне

Гилберт Майер

**Смертельный сеанс.
Миссия в Вашингтоне**

«Издательские решения»

Майер Г.

Смертельный сеанс. Миссия в Вашингтоне / Г. Майер —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-933783-2

Две короткие повести: о трагедии в российском городе, послужившей детонатором захватывающих событий, в центре которых оказался виновник случившегося, и о подготовке покушения на самого могущественного человека планеты.

ISBN 978-5-44-933783-2

© Майер Г.
© Издательские решения

Содержание

Гилберт Майер.	6
I	6
II	8
III	12
IV	13
V	14
VI	17
VII	18
VIII	20
IX	22
X	23
XI	25
XII	26
XIII	29
XIV	31
XV	34
XVI	35
XVII	37
XVIII	39
XIX	41
XX	43
XXI	44
XXII	45
XXIII	47
XXIV	48
XXV	49
XXVI	50
XXVII	51
XXVIII	53
XXIX	54
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Смертельный сеанс. Миссия в Вашингтоне

Гилберт Майер

Анастасио Д.

Геннадий Петров *Переводчик*

© Гилберт Майер, 2021

© Анастасио Д., 2021

© Геннадий Петров, перевод, 2021

ISBN 978-5-4493-3783-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Гилберт Майер. Смертельный сеанс ¹

*Основано на невероятных,
но реальных событиях.*

Автор

*«Только человек доброй воли несёт
в своём сердце вечное проклятие».*

Грэм Грин

I

В тот тёплый апрельский вечер, насыщенный ароматом свежей листвы деревьев и первых робких цветов на клумбах, узкая шкала «Блаупункта» привычно светилась голубоватыми буквами и цифрами с названиями столиц и крупных городов. Вертикальная красная стрелка, плавно перемещаясь по манящему узкому пространству, открывала доступ в огромный мир, позволяя мысленно путешествовать по странам и континентам.

Прежде, чем настроить чудо техники на волну радиостанции Бремена, передававшей в этот час шлягеры, Вольфганг Вхендорф провёл ладонью по рано начавшим сесть вискам и с облегчением вздохнул: добросовестно прослушаны последние известия из Москвы и на всякий случай – «Немецкая Волна» и британская «Би-би-си». Новость, которую он так ждал и так боялся, в эфире не появилась. Пока?.. **о а**

Спать не хотелось. Он выкурил внеочередную сигарету и начал мерить тёмную комнату широкими шагами. Неожиданно ощутил ломоту в правом предплечье. И снова настойчивой волной накатились воспоминания о плене у русских, хотя он уже не раз говорил себе: «Генуг, хватит жить тяжкими воспоминаниями. Иначе превратишься в жалкого неврастеника, невыносимого для жены, друзей и вообще для всех окружающих».

Чтобы отогнать навязчивые мысли, он подумал о Татьяне, но снова вышло тревожно. Как там, в Брюсселе, она без него?

Жена собиралась провести в Бельгии ещё не меньше недели у заболевшей подруги детства, угнанной, как и сама Татьяна, немцами из Советского Союза, и осевшей в Брюсселе. Вольфганг не привык к столь долгим разлукам. Благотворительная миссия, на которую он неохотно дал согласие, начала вызывать у него глухое раздражение... Конечно, Вольфганг знал, что соотечественница жены действительно отчаянно нуждается в заботе и внимании, пусть и не продолжительных: её муж, бельгиец-таксист, проводил всё свободное от работы время в пивных барах. Судя по всему, этот интернациональный брак, как и большинство других, обречён (правда, в прочности собственного Вольфганг несколько не сомневался). Поэтому несчастной русской женщине требовалась ещё и моральная поддержка.

Вольфганг упал в кресло, посадил на колени уютно замурлыкавшего рыжего котенка, который принялся неумело пока массировать его своими коготками. Медленно полистав газеты, Вольфганг отложил их на журнальный столик и задумался.

Вот и первое послевоенное пятнадцатилетие уходит в небытие, оставив лишь несколько абзацев на страницах исторических энциклопедий. Создание атомной и водородной бомб; ужасы японских городов Хиросима и Нагасаки; смерть Иосифа Сталина; абсолютно неужи-

¹ Перевёл с немецкого Геннадий Петров.

данный и кровавый «венгерский кризис»; быстро набирающие критическую массу с ноября 1958-го раздоры победителей вокруг управления столицей Германии – кризис «берлинский» – с непредсказуемыми пока последствиями. К чему всё это приведёт Европу, не поставит ли её на грань новой мировой войны, теперь уже ядерной, которая наверняка станет последней для нашей цивилизации... Что-то готовят нам грозно надвинувшиеся шестидесятые годы? Уповать приходится только на разум и инстинкт самосохранения правителей великих держав, знающих подлинную цену войны не понаслышке и даже принимавших в ней непосредственное участие. Но ведь довольно скоро на смену им придёт не нюхавшая пороха «молодежь»...

Нет, за своё будущее и судьбу Татьяны он был спокоен. Его карьера инженера на солидной строительной фирме «Крюгер и сыновья» складывалась удачно, хотя строителем волею судьбы, а точнее – войны, он стал только в 23-летнем возрасте. Впервые взобрался на кирпичную стену и взял мастерок из рук своего русского наставника, уже находясь в плену: немцы восстанавливали из руин, а правильнее сказать – возводили заново – административные здания в древнем Смоленске. Профессией приходилось овладевать на ходу и в буквальном смысле слова из-под палки.

Вороша в памяти запавшие в душу эпизоды той, теперь уже далёкой, жизни Вольфганг невольно вздрогнул, когда перед его глазами материализовалось скуластое лицо одного из охранников. Тимур – так звали раскосого автоматчика – был по-восточному жесток и коварен, не упускал случая наказать пленных за малейшую провинность и даже при отсутствии таковой. Впрочем, как знать, может, он щедро раздавал тычки прикладом своего тяжеленного автомата ППШ под рёбра, в бёдра и позвоночник, залихватски матерясь по-русски и по-немецки, с ведома или даже по наущению своего начальства?

Но плен есть плен, а победителей, как известно, не судят: сдрейфил, поднял руки вверх – и получай сполна! По словам его второй, русской жены, с интернированными женщинами, и не только советскими, в «трудовых бригадах», не говоря о концлагерях, «защитники Германии» из числа тыловых крыс тоже не церемонились. И это ещё мягко сказано...

II

Однако в далёком 1946-м, работая на стройках так и не завоёванных советских городов, он не сравнивал, кто лучше, а кто хуже обращается с пленными. Не надо было попадаться в лапы беспощадного врага!

А как весь его взвод мог избежать плена или гибели, если командир послал их на прорыв из окружения по узкой обледенелой дороге через поле, укутанное глубоким, почти метровым слоем снега?

На этой проклятой тропе в преисподнюю мотоциклы с пулемётчиками в колясках вращались, как нелепые таракты волчки. Сталкиваясь, валились на бок, а то и переворачивались вверх колесами, становясь легкой мишенью для советских солдат, зарывшихся в снег. Судорожные попытки атакуемых ввинтиться в девственно-белую пушистую массу были обречены; мотоциклистов настигали меткие пули и осколки ручных гранат.

Полностью окружённой, но чудом уцелевшей под свинцовым дождём и израсходовавшей боезапас, жалкой кучке немцев оставалось лишь выполнить приказ «Хенде хох!» Вахендорф не смог сделать и этого: ключица правого плеча была выбита, а левая рука, как потом выяснилось, сломана в двух местах. Однако кровь в его жилах стыла не от боли или страха, а от душевнораздирающих воплей обезумевшего самого молодого солдата, почти мальчишки, имени которого он не знал: «Мне нужен фельдшер, я умираю! Где врач? Зовите скорей! Где он, почему его нет?» Какой там врач, в окружении, в чистом поле! Парень свихнулся? Наконец он умолк, захлебнувшись кровью. Расплывшаяся под его серой шинелью алая клякса, жадно впитываемая настом, казалась невыносимо яркой даже в наступающих сумерках.

... В плену Вольфганг подружился с Альфредо Ньесом, испанцем из «Голубой дивизии», которая бесславно окончила свой боевой путь на Восточном фронте ещё осенью 1943-го. Когда двумя годами раньше появилась весть, что правитель Испании Франсиско Франко по требованию Адольфа Гитлера всё-таки направил на войну своих солдат, правда, в количестве лишь одной дивизии, да ещё, по распоряжению Вермахта, в северные районы России, многие немецкие вояки смеялись от души. Испанцы слыли весельчаками, пьяницами и бабниками, а не мужественными бойцами. И шуток стало ходить ещё больше, когда немцы узнали, что покровителем этих 50 тысяч добровольцев выбран... Дон-Кихот, Рыцарь Печального Образа.

е у

В отличие от итальянцев, которым также пришлось повоевать на Восточном фронте, но принесших присягу своему дуче Муссолини, испанцы поклялись в верности самому фюреру, требовавшему беспощадно истреблять славян, евреев и цыган как представителей низшей расы. Впрочем, эту клятву посланцы Пиренейского полуострова нередко нарушали, что вызывало конфликты с офицерами Вермахта. А благодаря отправке «Голубой дивизии» в Советский Союз хитрющему Франко удалось избежать полномасштабного втягивания его страны во Вторую мировую войну.

Южанам пришлось участвовать в боях на озере Ильмень в сорокаградусный мороз. Повоевали они и в Новгородской области, и приняли участие в блокаде Ленинграда. В феврале 43-го в бою у деревни Красный бор дивизия, названная по цвету парадных мундиров, потерпела сокрушительное поражение, потеряв убитыми, ранеными и пленными несколько тысяч человек. Среди пленников был и рядовой Нуньес.

Шустрый, как ртутный шарик, Альфредо бойко, хотя и смешно, с ужасным акцентом лопотал по-немецки. В качестве оправдания пояснил, что овладевал языком Шиллера и Гёте самостоятельно: перед войной прочитал несколько романов Эриха Марии Ремарка сначала в переводе, а потом и в оригинале. До прибытия на Восточный фронт с носителями немецкого языка ему общаться не доводилось. И тем более не посещала мысль, что ему предстоит

во многом повторить судьбу ремарковских героев – представителей «потерянного поколения», название которому, как известно, придумала американская писательница Гертруда Стайн.

Долгими ночами пленники ворочались на вонючих нарах, почесываясь от укусов вшей и клопов, и чертыхаясь по-немецки и по-испански. Перешептываясь, ломали голову над тем, как вырваться отсюда или хотя бы отомстить этим полуварварам за полученные на фронте ранения, за издевательства охранников. Да и за те кровоточащие раны, которые советские солдаты, разгромив Германию, покорив пол-Европы и насадив в ней марионеточные режимы, нанесли – как не сомневались оба просвещённых «строителя» – западной цивилизации.

Отомстить – но как? – а там будь, что будет. Воздать солидно, чтобы русские запомнили надолго. Но и чтобы не схватили за руку и не поставили к стенке – обоим чертовски хотелось не только выжить, но и, стряхнув с себя нескончаемый дурной сон, вернуться домой. Хотя и Вольфганг, и Альфредо не были уверены, что их, пропавших без вести, там всё ещё ждут.

Мечты об изощёренных способах мести отодвинул на задний план тревожный слух, взбудораживший пленных – их срочно перебрасывают в Поволжье на сооружение первого в Советском Союзе газопровода. Эту весть сопровождала передававшаяся из уст в уста страшилка: дармовую рабочую силу отправляют на верную гибель, ведь находиться вблизи крупного месторождения природного газа крайне опасно – метан может в любую минуту загореться и взорваться, подняв на воздух гигантскую территорию. И тогда иностранных строителей магистрали не придётся даже хоронить, все они мгновенно окажутся в братской могиле. Лишь много лет спустя Вольфганг узнал, что значительная часть пленных, посланных на это строительство, предпочла не возвращаться в Германию и осесть в Поволжье. Где пополнила немецкую общину, обосновавшуюся там с царских времён...

Однако товарный состав, в который их спешно погрузили, направился из Смоленска не в Саратовскую область. Его колёса несколько суток стучали по рельсам, поезд подолгу стоял, не раз менял направление движения, пока не замер у разбомбленного вокзала с чудом уцелевшей надписью БРЯНСК.

В этом почти полностью разрушенном старинном городе, в лагере для военнопленных на берегу реки Десны, главного притока Днепра (в сырых каменных казематах, сооружённых ещё при императоре Петре I, сохранялись следы русских, которых здесь не так давно держали в плену солдаты Вермахта), Вольфганг и Альфредо изнывали от безделья. Они слонялись за колючей проволокой, с ненавистью поглядывая на часовых по углам периметра, и с жадным интересом – на молодых горожанок, изредка спешивших по мощённой булыжником длинной узкой улице имени Калинина, часть которой проходила вдоль изгороди.

Вскоре немцев, нескольких испанцев и румын стали под конвоем гонять на стройки – сначала расчищать завалы и засыпать бомбовые воронки, а затем и возводить новые здания – тяжёлые, монолитные, «сталинского стиля».

Передвигаться пешком по городу даже под охраной было страшновато: месть, казалось, поджидает за каждым углом. Но к удивлению военнопленных, население не проявляло ненависти и даже враждебности к бывшим заклятым врагам – во всяком случае, открыто. Воистину загадочна русская душа! Правда, исхудавшие оборванные детишки и подростки дразнили иностранцев «фрицами», «фашистами», а старики и молодые инвалиды глухо матерились вслед «гитлеровским недобиткам». Но, вопреки опасениям, им не плевали в лицо, а главное, в них не швыряли камни. Что ж, приятная неожиданность. И на том спасибо.

Постепенно иностранцы осмотрелись, освоились, стали подмигивать местным женщинам, некоторые из которых украдкой улыбались в ответ. Приноровились мастерить свистки, фигурки из глины и другие безделушки, чтобы выменивать у мальчишек странный с виду, но очень вкусный чёрный хлеб и непривычно крепкое курево.

Ленивые окрики конвоиров и тычки прикладами, пинки тяжёлыми кирзовыми сапогами возвращали в печальную действительность, за которой не просматривалось никакого будущего.

Неужели они обречены на такое существование до конца своих дней? Неужели умрут, не успев отомстить?

Блестящая, хотя и слишком жестокая, идея осенила испанца солнечным мартовским днём, когда они совсем по-русски затягивались махорочными самокрутками во время короткого перерыва на обед на строительстве здания кинотеатра почти на самом краю глубокого оврага.

Дерзкий план мести поначалу ошеломил Вольфганга своей бесчеловечностью.

– Но ведь могут погибнуть невинные люди, наверное, даже дети! – в ужасе воскликнул он. – Нет, это слишком... Давай не будем уподобляться восточным варварам.

– Если ты такой жалостливый и слабонервный, то, как хочешь, – пожал плечами Альфредо. – Но тогда сам предложи что-нибудь более подходящее. Я готов на всё, сопли распускать не стану, ты меня знаешь. Я прошёл боевое крещение в Белоруссии, где мне пришлось участвовать в расстреле нескольких партизан. Таким был приказ немецкого командования, которое хотело сделать нас, «легкомысленных испанцев», соучастниками убийств не только партизан, но и мирного населения...

Однако идея испанца постепенно одолевала Вольфганга, не давая ему покоя по ночам. Хоть и умолкли орудия, пулемёты и автоматы, но война в душе пленных продолжалась неизменно. Она, размышляя как бы в оправдание дьявольского плана бывший рядовой мотоциклетного батальона, лишь видоизменилась, перешла в другую стадию. Вряд ли немцы и русские, которых, правда, многократно сближала история, когда-нибудь залечат нанесённые друг другу чудовищные раны, иссушат море пролившейся с обеих сторон крови и смогут забыть взаимные обиды. Нет, это было бы слишком!

И он согласился осуществить невероятно жестокий замысел своего испанского товарища по несчастью.

Оба прекрасно понимали, что им грозит, если операцию заметят надзиратели или о ней прознают другие пленники, смирившиеся со своей судьбой и озабоченные лишь тем, как получше выслужиться, чтобы быстрее вырваться на свободу. Таких, увы, было немало. Их не смущало молчаливое презрение товарищей; они сделали ставку на спасение собственной шкуры любой ценой, и были готовы двигаться к этой цели даже по трупам бывших однополчан. **o**

Заговорщики тоже вдруг стали проявлять усердие на работе. Они словно не слышали зычного возгласа: «Кончай, суши весла! В две шеренги становись!» Интернациональный дуэт продолжал суетиться, размешивать цементный раствор, выбивать ритмичную дробь мастерками по кирпичам.

Первые дни командир конвоя рывкал на них, приказывая немедленно занять место в строю, грозил кулаком и витиевато матерился. Но однажды, прежде чем забраться в крытый брезентом кузов «Студебеккера», выразительно повертел пальцем у виска, смачно выпустил струю слюны через коричневые зубы и гаркнул:

– Чёрт с ними! Пусть выслуживаются, вкалывают и дрыхнут здесь же, на стройплощадке.

И добавил, не поворачивая головы в сторону двоих приятелей:

– А если узнаю, что хоть раз ночью вы отправились по бабам – пеняйте на себя. Девяти граммов свинца на каждого не пожалею! И ещё. Помните, что бежать из города бесполезно – кругом знаменитые брянские леса, к тому же в них осталось немало мин и растяжек. Партизаны славно поработали!

За несколько пачек махорки испанцу удалось выменять у военного кладовщика, вечно пьяненького весельчака-украинца, два трёхгранных напильника и десяток стальных полотен для ножовки по металлу. Как они и надеялись, любопытства сержант не проявил, от вопросов воздержался. И даже подбодрил Альфредо: «Товарищ Фриц, если ещё что-нибудь понадобится – не стесняйся, приходи. Я готов поделиться, только не забудь про табачок».

Приступив к делу, трудились по несколько часов в кромешной тьме, на ощупь, вращивая волдыри мозолей на ладонях. Поначалу – затаив дыхание: скрежет металла казался чуть ли не победным воем ракет, выпущенных «Катюшей». Потом обвыклись, работа стала спориться. Лишь однажды они очутились на волоске от смерти.

Поздно вечером, поработав без перекура часа три, они сидели на потолочном перекрытии, свесив ноги, отдуваясь и вытирая лоб рукавами спецовок. Как вдруг внизу под чьими-то тяжёлыми сапогами захрустел шлак. Вольфганг и Альфредо замерли. Неприятная мелкая дрожь пробежала по их взмокшим спинам.

В строящееся здание кинотеатра заглянул военный патруль – офицер и три солдата. Они помочились, сдабривая этот процесс сальными шутками. Один из патрульных посветил мощным трофейным фонарём «Диамант» по углам будущего кинозала, но направить луч вверх, к счастью для «строителей», не догадался. Это и спасло заговорщиков от обещанных девяти граммов свинца каждому.

III

Вольфганг щёлкнул зажигалкой, затянулся новой сигаретой – раз, другой. Настойчивые воспоминания отступить не желали.

Терзали ли его в те дни сомнения? Как ни странно, – нет, нисколько. Город, страна и её люди были ему не только чужими, но и совершенно чуждыми. Временами его даже охватывало незнакомое чувство мстительного азарта. Да, ему предстояло взять на себя тяжкий грех, но Вольфганг окончательно разуверился в боге в первые же недели войны, когда многие его товарищи по оружию как раз и становились верующими фанатиками. А он пришёл к твёрдому выводу: если бы на небесах или где-то ещё пребывала некая разумная сила, она ни за что не допустила бы подобную бойню на Земле, а тем более не стала бы равнодушно взирать на происходящее. Или это всемогущее существо настолько разочаровалось в человеке, что отдало его во власть дьявола?

Сомнения появились потом.

Возвратившись в Бремен и ужаснувшись тому, во что превратила его родной город союзническая авиация, Вольфганг с облегчением вздохнул, увидев: дом, в котором он прожил с Линой всего несколько месяцев после женитьбы, до отъезда на Восточный фронт, уцелел каким-то чудом. И даже почти не пострадал.

Не пытаясь сдерживать волнение, он взбежал по узкой крутой лестнице на четвертый этаж, нетерпеливо дернул за шнур звонка, затем постучал в узкую высокую дверь костяшками пальцев. Ему показалось, что биение сердца разносится на всю лестничную площадку, и сейчас из других квартир начнут выглядывать любопытные соседи. Когда, наконец, его дверь приоткрылась, и он увидел незнакомую пожилую фразу, потемнело в глазах, и он не смог даже поздороваться.

– Герр Вахендорф? – с плохо скрываемой усмешкой осведомилась дама. – Меня просили передать Вам записку, если Вы здесь когда-нибудь всё-таки объявитесь.

Дверь громко всхлипнула и захлопнулась, но через пару минут приоткрылась вновь. Вольфганг машинально взял небольшой белый конверт со своим именем, написанным знакомым крупным почерком. Забыв поблагодарить нелюбезную фразу, молча повернулся и пошёл по лестнице. Он понял всё, даже не вскрывая послание Лины...

Жестокие сомнения, а затем и мучительные угрызения совести появились позже, когда он познакомился с Татьяной и чуть ли не в первый же день осознал: до неё он не любил ни одну женщину.

Это было какое-то обжигающее чувство. Иностранка с экзотическими чертами лица, тёмными миндалевидными глазами, мягкими, женственными манерами, столь редкими в невероятно грубое послевоенное время. Очень удивился, когда, робко подсев к ней в пригородном поезде, узнал, что она русская. Но это уже не могло его остановить.

Татьяна не сразу ответила взаимностью. Однако его напор граничил с безрассудством, и она сдалась после непродолжительной «обороны».

Они были счастливы, насколько могли испытать это чувство два существа, прошедшие через мясорубку самой страшной войны, плена и концлагерей.

IV

Если бы кто-нибудь сказал Татьяне, что она полюбит немца, да ещё воевавшего в её стране, и даже рискнёт связать с ним свою судьбу, она, пожалуй, обиделась бы на столь нелепую шутку. Слишком много страданий причинили ей и ее близким представители «цивилизованной» арийской нации.

Когда она, уже пройдя через концлагерь, узнала о гибели своих родителей и брата, возненавидела немцев, как ей казалось, на всю оставшуюся жизнь. Только страх преследования на Родине вынуждал её жить на чужбине. Впрочем, она подумывала покинуть Германию и при первой же возможности перебраться в тихую нейтральную Швейцарию, а если не получится – в Люксембург или крошечный Лихтенштейн. Немецким языком она владела свободно, и в этих странах могла попытаться найти работу.

И вдруг... А ведь действительно, никогда не говори «никогда». Этот стройный юноша с волнистыми белокурыми волосами и смугловатым лицом резко отличался от своих соотечественников, с которыми ей пришлось волей или неволей познакомиться. Татьяну завораживали его голубые глаза – глубокие, по-детски добрые и очень грустные. Было в его облике что-то неизъяснимо романтическое, явившееся из довоенной жизни.

Правда, поначалу она не сомневалась: увлечение для обоих станет приятным, но мимолетным, как тёплый весенний дождь. Однако не прошло двух месяцев, и лёгкий флирт перерос в большое, всепоглощающее чувство. Оно оказалось способным постепенно заслонить воспоминания о трагедиях, жертвами которых по вине фашистской Германии стала Татьяна, её родственники, миллионы знакомых и незнакомых соотечественников.

Вскоре Вольфганг сделал предложение, и Татьяна, не колеблясь, ответила «Да!» Они подыскали для аренды скромное жильё в центре города.

В первые недели безоблачной, счастливой совместной жизни она не могла понять лишь его чрезмерного внимания к радионовостям из Советского Союза, хотя и сама была к ним отнюдь не равнодушна. На её расспросы муж предпочитал отшучиваться. Не добившись вразумительного объяснения, махнула рукой: в конце концов, у каждого могут быть свои странности и причуды. Татьяна смирилась с тем, что по вечерам и рано утром Вольфганг вращает ручки «Блаупункта» с упорством, достойным лучшего применения. К тому же и она не посвящала его в содержание личного дневника, который время от времени пополняла записями.

V

В конце апреля 1959 года советская империя готовилась шумно отпраздновать День 1 Мая, чтобы напомнить себе самой и всему миру, как «свободно и счастливо» живут её трудящиеся.

Дикторы московского радио на всех языках трещали в эфире о «новых трудовых достижениях многонационального советского народа» под мудрым руководством товарища Никиты Сергеевича Хрущева – неустанного борца за мир во всём мире. О «братской солидарности» с зарубежными трудящимися. О неослабевающей борьбе с «поджигателями войны – империалистами»... Наивные русские! Знали бы вы, в какой нищете живёте за своим «Железным занавесом» по сравнению с иностранными «трудящимися», в том числе и теми, чьи страны потерпели сокрушительное поражение в последней войне. Да и победа, полагал Вольфганг, одержана русскими на фронтах в значительной мере благодаря тому, что «Стальной Джо» и многие его полководцы, не раздумывая, приносили в жертву сотни тысяч своих солдат и офицеров. Но разве тайны загадочной русской души удалось до конца раскрыть даже великому её знатоку Фёдору Достоевскому?

Спать не хотелось. Постояв в задумчивости перед сервантом, Вольфганг достал початую бутылку «Димпла», подаренную английским коллегой. Содовой воды не нашлось. Усмехнулся, вспомнив прибаутку шотландцев, утверждающих, что англичане и прочие иностранцы, не понимающие толк в виски, портят и этот благородный напиток, и воду, смешивая их перед тем как выпить.

Утром он вышел купить газеты в ближайшем киоске. Просмотрел заголовки: ничего сногсшибательного. В основном, извещают об очередных впечатляющих успехах западногерманской экономики.

Прежде чем вскипятить воду для кофе, включил приёмник. Из его орехового чрева зазвучал спокойный баритон диктора «Би-би-си»: «...предварительным данным, проверить которые вряд ли когда-либо удастся, погибли от трёхсот до четырёхсот человек – преимущественно молодёжь, учащиеся выпускных классов средних школ города и студенты, привлечённые новым художественным фильмом на классическую тему. Вы слушали последние известия».

Вольфганг похолодел. Потом ощутил жаркий прилив крови к лицу. Бешено запрыгало сердце. Свершилось?..

Будто постарев в одно мгновение, он бессильно опустился в любимое продавленное кресло. Крутанул ручку настройки. Немецкие станции – западные и восточные – передавали музыку, а русскую службу «Голоса Америки» отыскать не удавалось; она не могла пробиться через мощные глушители. Взглянул на часы: англичане будут повторять важнейшие новости только через 25 минут. Они покажутся ему вечностью.

Он расстегнул душивший ворот рубашки, распахнул окно. Улица жила обычными в этот час заботами. Громыхали трамваи, разношёрстная толпа прохожих, радуясь солнечному дню, спешила по своим делам. А Вольфганг в ожидании неизбежной развязки не находил себе места.

«Быть может, речь идёт о каком-то другом и вовсе не советском городе или об ином здании, а не о кинотеатре „Октябрь“, – тешил он себя последней надеждой, сознавая её призрачность. – Дай бог, чтобы это было именно так. Обещаю Тебе не просто вернуться к вере, а стать религиозным фанатиком, как мои бывшие однополчане».

Он с ужасом, не отрывая взгляда, следил за стрелкой часов. Но позывные «Би-би-си» всё равно заставили его вздрогнуть. Радиостанция открыла программу новостей сенсационным сообщением, которого Вольфганг боялся больше всего на этом свете.

«Как стало известно из достоверных источников, в небольшом советском городе Брянске, в 380 километрах к юго-западу от Москвы и примерно на полпути к Киеву, вчера поздно вечером обрушился потолок в крупнейшем кинотеатре «Октябрь», построенном германскими пленными вскоре после войны.

На последнем сеансе зал был переполнен, в основном, выпускниками средних школ города, которые перед экзаменами решили посмотреть новый художественный фильм «Сорока-Воровка» по произведению русского революционера, писателя-философа Александра Герцена, между прочим, жившего одно время в Лондоне. Предварительные данные свидетельствуют, что погибнуть могли до четырёхсот зрителей. В этом крошечном аду уцелели немногие, поскольку несущие балки верхних перекрытий были, видимо, подпилены кем-то весьма расчётливо. И в результате рухнул почти весь потолок.

Очевидцы утверждают, что сегодня в этом русском городе непрерывно курсируют десятки машин «Скорой помощи» с ранеными, катафалки и даже грузовики с трупами. Местные морги переполнены. Источники ссылаются на слова сторожей и могильщиков кладбища в Советском районе Брянска, сообщивших, что под могилы сегодня срочно отведён новый огромный участок земли.

Представители властей, к которым обратились иностранные корреспонденты в Москве, хранят по этому поводу гробовое молчание и одновременно категорически отказывают журналистам в выдаче разрешений на посещение города, в котором произошла страшная трагедия. Мы обязательно будем следить за развитием этого события и его последствиями».

Всё-таки свершилось...

Будь проклят Альфредо Нуньес с его дьявольской идеей! Пусть будет проклят и тот, кто поддержал её и стал бездумным пассивным исполнителем чудовищного замысла. А ведь мог, мог вовремя решительно сказать «Нет, ни в коем случае не буду участвовать в подготовке массового убийства! И ты, дружище, не смей!!!» Так же решительно надо было остановить испанца, если бы он попытался привлечь на свою сторону кого-то ещё.

Вольфганг физически ощутил тесноту и духоту комнаты. Он выскочил на улицу и бесцельно побрёл по тротуару, не замечая удивлённых взглядов прохожих, сторонившихся человека, который, казалось, ничего не видит на своём пути.

Итак, чуда, на которое он уповал, не случилось. Несмотря на его мольбы неизвестно к кому, металлические балки всё-таки не выдержали веса толстенных досок и шлака, уложенного сверху на потолок, заботливо оштукатуренный и окрашенный снизу.

Что делать теперь?

Наложить на себя руки?

Или, может, попытаться как-то искупить вину?

Первое – гораздо проще: преодолеть несколько секунд страха, и все дела. Уйдёшь в небытие, из которого материализовался по воле редчайшего случая. И сразу же навсегда освободишься от сомнений, терзаний совести и чувства ужасной вины.

Но тогда Татьяна останется совсем одна. Одинокая женщина в чужой, не слишком приветливой к русским стране. Со скудными средствами к существованию – она ведь успела приучить его жить сегодняшним днём, как последним, то есть, типично по-русски, не заботясь о будущем. Одна, совсем одна... А её и так уже успела немало помучить жизнь. На Родину она вряд ли захочет вернуться: слишком уж неласков Советский Союз к бывшим пленным и интернированным гражданам, считая абсолютно всех предателями. Пресловутая хрущевская «оттепель» убеждает в благих намерениях Кремля пока далеко не всех. В СССР вдова немца, как минимум, станет человеком второго сорта – со всеми вытекающими печальными последствиями.

Всё-таки придётся избрать второй путь, если таковой подвернётся. Но как искупить вину перед столькими молодыми соотечественниками жены, погибшими в «Октябре» в мирное время, на обычном вечернем киносеансе, ставшем для них смертельным?

Он зашёл в маленькое кафе, сел за столик у окна и уставился в одну точку. Вопросы официанта не расслышал. Тот, пожав плечами, удалился. Оцепенение длилось долго. Он успел несколько раз прокрутить перед глазами калейдоскоп былого, робко заглянуть в будущее. Увы, его-то и не просматривалось, как он ни напрягался.

Почувствовав нестерпимое одиночество, решил немедленно вызвать Татьяну домой. И почти бегом направился на почту, чтобы послать срочную телеграмму в Бельгию.

VI

Уже на перроне вокзала, едва разомкнув объятия, он не удержался и кратко поведал всё, моля понять и простить. Закрыв лицо ладонями, она вскрикнула «Как ты мог?!», а он не нашёлся, что ответить. Помрачнев и окаменев, Татьяна на всём пути домой не произнесла ни слова. Заперлась в своей комнате, попросив оставить одну.

В тот страшный день в конце апреля 1959-го дала глубокую трещину хрупкая льдина, на которой дрейфовали в море бурлящих человеческих страстей эти два безумно любящих друг друга существа.

К счастью, внешне Татьяна изменилась мало. Оставалась приветливой, временами – ласковой и беззаботной, но холод в отношениях не таял долго. Вольфганг физически ощутил: их казавшийся вечным семейный союз вот-вот потерпит крушение, и спасти его вряд ли получится.

И тут, весьма кстати, подоспело предложение генерального директора его компании. Вольфгангу, единственному «знатоку» испанского языка, надлежало съездить в Бразилию и прозондировать возможность получения крупных заказов и даже вероятного открытия постоянного представительства концерна. Бразильский рынок обещал стать гигантским уже в ближайшие годы – у всех на слуху было бурное строительство новой столицы в центре страны по проекту знаменитого бразильского архитектора (кстати, немецкого происхождения!) Оскара Нимейера.

Вольфганг мягко напомнил шефу: в Бразилии говорят на португальском языке, а не на испанском. К тому же языком Сервантеса он овладевал – смешно сказать! – при помощи пленного испанца, на стройке, через пень-колоду...

– Ну и что? Ничего страшного! – отмахнулся герр Шумахер. – Уже через несколько недель перейдёте на португальский – ведь он, кажется, похож на испанский? Не искать же нам, право, переводчика в Германии – для этого уже нет времени. И вряд ли стоит посвящать любопытствующих чужаков в наши коммерческие дела.

Да, хочу отметить немаловажный момент, – продолжил он. – Вопреки распространённому в Европе мнению о легкомысленных латиноамериканцах, бразильцы, похоже, способны держать слово. Их президент Жуселну Кубичк неосмотрительно пообещал на каком-то митинге возвести новую столицу – и не отступил от этой грандиозной затеи. Так что и популизм власть предрежащих иногда бывает полезным... **и е**

Прощание с Татьяной было коротким, но пылким. Утром жена попросила его не заглядываться на экзотических бразильских красавиц и вернуться домой как можно скорее. Оба понимали, что временное расставание или пойдёт им на пользу, или окончательно сделает чужими.

VII

*«Чао, чао, девчонка,
Ещё один поцелуй —
И я потеряю тебя навсегда...»*

– мощно лился из динамиков завораживающий голос итальянца Домнико Модньо, модного тогда едва ли не во всех европейских странах. Лирическая душещипательная песня удивительно гармонировала с предотъездным настроением пассажиров, отправлявшихся в неблизкий путь – в Западное полушарие. **е у**

На борту белоснежного итальянского теплохода, державшего курс на Рио-де-Жанейро и Буэнос-Айрес, Вольфганг Вахендорф мало-помалу успокоился. Чем дальше оставались за кормой берега Старого света, тем менее важными казались многочисленные проблемы, будто взираешь теперь на них с обратной стороны сильного морского бинокля.

Погода стояла чудесная. Атлантический океан был величественно-спокоен, его безмятежную гладь время от времени вспарывали лишь лакированные спины игривых дельфинов. В течение десяти дней можно откровенно бездельничать. Вкусно есть, вволю читать и спать, смотреть нашумевшие итало-французские художественные кинофильмы.

В ресторане он познакомился с молодым, спортивного вида немцем. Когда узнал, что тот – дипломатический работник посольства Восточной Германии, этой страны Rankow, решил не продолжать с ним общение. Но обладатель паспорта Германской Демократической Республики, его жена и двое детей оказались единственными, помимо Вольфганга, немцами на их палубе. А поговорить хотелось, особенно по вечерам, после ужина, за рюмкой дигестива или во время прогулок по судну под вечерними звёздами.

Дипломат поведал, что учился в Москве, в элитарном полузакрытом Институте международных отношений, и неплохо знает русский язык. Вольфганг, поколебавшись, признался, что и он немного говорит по-русски, и что его жена – русская, чем поверг восточного собрата в изумление. В тот вечер невидимая нить робко связала обоих.

Вольфганг сразу же заметил: Курт, как звали дипломата, всячески избегает разговоров о политике. Он предпочитал рассказывать своему случайному попутчику о Бразилии, проявляя при этом обширные глубокие знания, хотя пробыл в этой южноамериканской стране всего несколько месяцев – на стажировке в посольстве ГДР.

На причале в порту Рио-де-Жанейро они расстались почти друзьями. Курт продиктовал Вольфгангу номер телефона своей будущей квартиры в этом городе, которую он «унаследует» у своего предшественника. А жена нового знакомого настойчиво приглашала случайного попутчика в гости. Ей забавно вторили маленькие сыновья.

Красавец Рио вскружил голову и оглушил не только коктейлем ароматов невиданных буйно цветущих деревьев и кустарников, но и чудовищной влажной жарой, унять которую, казалось, нет никакой возможности. С непривычки Вольфганг почувствовал себя так, словно вновь очутился в русской бане, которую когда-то успел полюбить, хотя пленных водили строем на помывку не чаще одного раза в неделю. А может, и полюбил-то именно поэтому: к четвергу на теле накапливалось немало грязи, и досаждала чесотка.

Спешно готовясь к поездке, он непростительно забыл, что декабрь в Южном полушарии – месяц летний, со всеми вытекающими изнурительными последствиями для не успевшего акклиматизироваться новичка-европейца. Пришлось в первый же день купить светлый костюм из тончайшей ткани «тропикаль» и самые лёгкие туфли из тонкой кожи. Нейлоновые рубашки просто выбросил, заменив их хлопчатобумажными.

Пребывание в «чудесном городе» он свёл к необходимому минимуму. Надо было обязательно посетить Белу-Оризонти, Сан-Паулу и отправиться на разведку в центр страны, где близились завершение строительства главных объектов новой столицы – города Бразилиа. Генеральный план будущего мегаполиса, обещавшего поразить дерзостью зодческой мысли весь цивилизованный мир, напоминал самолёт или лук со стрелой, готовой сорваться с тетивы.

С португальским языком, действительно, особых проблем не возникло, но по иной причине: Вольфганга сопровождал молодой инженер, сын немецких иммигрантов, представитель будущего партнёра – фирмы «Карвалью и Коста». Её штаб-квартира находилась в южном штате Риу-Гранди-ду-Сул.

Вопросы открытия филиала немецкой компании и получения заказов решались на удивление быстро и просто. Гостеприимные хозяева сразу же намекнули, что в Латинской Америке двери самых неприступных с виду кабинетов услужливо распахиваются перед иностранцами, имеющими твёрдую валюту. И, главное, готовыми расстаться с её толикой, «крайне необходимой для интересов дела».

VIII

Будущая бразильская столица восхитила своим размахом и какими-то неземными, марсианскими пейзажами. Вероятно, такое впечатление создавали тёмно-красная земля и неестественно-багряные закаты перед наступлением ночей, щедро демонстрировавших крупные созвездия на небосклоне. Включая неведомый в Северном полушарии, романтизированный европейскими путешественниками и литераторами Южный Крест.

Руководители фирмы-компаньона не преминули показать ему огромный пустующий участок вдоль берега искусственного озера Парано. Вокруг этого водоёма дипломатические миссии многих стран уже начали обосновываться с максимальным комфортом, возводя вычурные здания своих посольств, консульств и торговых представительств. Тем не менее, бразильские партнеры со смехом рассказали, что иностранные дипломаты и чиновники упорно не спешат покинуть обжитой красавец Рио-де-Жанейро, где жизнь бьёт ключом и днём, и ночью. Их не привлекают и даже отпугивают здешние «золочёные клетки». Но правительство Бразилии непреклонно: министерство иностранных дел пригрозило самым упрямым поклонникам Рио чуть ли не разрывом дипотношений. **а**

– Вот здесь будет посольство Западной Германии, а там – Восточной, – сообщил ему местный «чичероне», показывая груды бетонных блоков и горы кирпича. – Кстати, ещё не все крупные объекты имеют подрядчиков. Так что спешите, не упустите свой уникальный шанс.

И он не грешил против истины. Несомненно, этот случай – единственный в своём роде, размышлял Вольфганг. Кто, где и когда тоже отважится на перенос столицы и сооружение с нуля целого крупного города?!

Вскоре после подробной и весьма полезной экскурсии по будущей «ярмарке тщеславия», в которую неизбежно должен был превратиться застраиваемый микрорайон, Вольфганг вспомнил о Курте. Решил позвонить ему, чтобы попрощаться перед вылетом из Рио-де-Жанейро в Германию.

По прибытии из Бразилиа в аэропорт «Галеао» он без труда нашёл телефон-автомат и набрал домашний номер приветливого семейства. Курт искренне обрадовался неожиданному звонку, пригласил Вольфганга в гости. И строго-настрого предупредил, чтобы тот не вздумал брать такси: местные шофёры ужасные плуты, могут покатасть иностранца по всему городу и заставят сильно раскошелиться. А посему бесплатную транспортную услугу он брал на себя.

Уже через полчаса Курт подъехал к аэропорту на своём белом фольксвагене-«жуке» местного производства, который бразильцы окрестили непереводаемым словом «фуска». Неспешная поездка через длинные туннели и по залитым неоновым светом улицам Рио-де-Жанейро оставила впечатление об этом городе как об одном из крупнейших мегаполисов мира с большим будущим. Приятным был и ужин в доме нового знакомого – по-немецки неторопливый и обстоятельный. С местными якобы франкфуртскими сосисками, тушёной квашеной капустой и неплохим холодным пивом, хотя и бразильского изготовления.

Узнав, что концерт Вольфганга собирается преобразовать своё представительство в Бразилии в дочернюю компанию, Курт принялся уговаривать приятеля приехать в эту страну на постоянную работу. Такая мысль не приходила Вольфгангу в голову, хотя он и понимал, что отныне ему придётся иногда бывать здесь в служебных командировках.

Курт и его миловидная жена Марта по-прежнему избегали разговоров на политические темы. Вольфганг был признателен за такую деликатность, ибо не знал, как бы он отреагировал, например, на упоминание о Берлинской стене, которую в ГДР пафосно именовали «Антифашистским оборонительным валом», и о других «завоеваниях социализма» восточных соседей. Беседовали они в основном о Бразилии и о семейных делах.

Когда Вольфганг достал из портмоне и показал небольшую фотографию Татьяны, Марта живо спросила, где он нашёл себе такую красивую русскую жену. Вольфганг, поборов сомнения, разоткровенничался – к этому располагала атмосфера дружеской встречи. Начал издалека. Скупно роняя слова, поведал о пребывании в советском плену. И тут же, глубоко вздохнув, изрёк неожиданно для себя:

– Вообще-то я в неоплатном моральном долгу и перед моей женой, и перед всеми русскими. Но мне не хочется углубляться в эту тему...

Он заметил, как Курт украдкой бросил на него удивлённый испытующий взгляд, но удержался от расспросов. Снова заговорили о предстоящем переезде бразильских правительственных чиновников и иностранных дипломатов на почти необитаемое плоскогорье в тысяче с лишним километрах от Рио-де-Жанейро с его океанскими пляжами и развесёлой жизнью.

Расставались почти друзьями. В гостинице «Имперадр», куда Курт с готовностью доставил Вольфганга, он решил дать гостеприимному дипломату, восточному соотечественнику, свой адрес и номера домашнего и служебного телефонов. Хотя понимал, что новый знакомый вряд ли когда-нибудь посетит его в ФРГ. **o**

Впрочем, вероятнее всего, такая уверенность и подтолкнула его к этому жесту вежливости.

IX

– Блестяще, блестяще! – повторял шеф, довольно потирая руки, когда Вольфганг закончил свой устный доклад о первой командировке в Бразилию и положил на стол герру Шумахеру толстую папку с деловыми бумагами. – Я не ошибся в Вас, я вообще редко ошибаюсь в людях. Поэтому-то наш концерн и процветает.

Думаю, именно Вам через какое-то время придётся возглавить наш бразильский, а даст бог, и южноамериканский, бизнес. Поезжайте-ка лет на пять. Если дела пойдут в гору и Вам там понравится, то и на более длительный период.

– Но ведь я семейный человек и моя жена работает здесь, в Бремене. Она вряд ли захочет потерять хорошее место. А ехать без неё на такой срок – безумие. Во всяком случае, так считаю я. Боюсь, герр Шумахер, Вам придётся сделать это заманчивое предложение кому-нибудь другому. Благодаря Вашей селекционной политике, у нас нет недостатка в квалифицированных специалистах, а португальский можно быстро выучить на языковых курсах каким-нибудь модным теперь шоковым методом...

Шеф нетерпеливо побарабанил пальцами по письменному столу.

– Кажется, Ваша русская жена разбирается в бухгалтерском деле? Что ж, занятие в заокеанской «дочке» нашей компании обязательно найдётся и ей. Если это единственное препятствие, то оно легко преодолимо. А что касается заработной платы, то Вы, герр Вахендорф, будете довольны. К тому же, как явствует из Вашего доклада, это фантастически дешёвая страна – во всяком случае, для иностранцев с их фунтами стерлингов, долларами и немецкими марками.

Вопреки опасениям Вольфганга, Татьяна, не раздумывая, согласилась на поездку в далёкую загадочную Бразилию. И даже обрадовалась предстоящему путешествию. Наверное, захотелось не просто сменить обстановку, побывать в неведомом экзотическом мире – мире ароматных кофейных зерен, самых маленьких птичек колибри, самбы и красочного карнавала. Но и попытаться «склеить» в Новом свете опасно надорванные семейные узы...

Она расстроилась, только когда вспомнила о своём баловне-котёнке, незаметно превратившемся в молодого красивого кота. С такой длинной шерстью, вздохнула Татьяна, её любимцу Рыжику в тропиках вряд ли выжить.

Пришлось уговорить консьержку фрау Вессель взять это грациозное животное на неопределённый срок к себе домой – разумеется, за приличное вознаграждение.

Х

Их безмятежное путешествие на другом итальянском теплоходе превратилось в запоздалый медовый месяц, о котором в суровое послевоенное время они не посмели и мечтать.

Но как назло, всего за сутки хода до бухты Гуанабра судно попало в довольно сильный шторм; огромный корабль изрядно качало, и переборки кают издавали угрожающий скрежет. Однако даже этим долгим муторным часам не удалось испортить общее впечатление от поездки. К тому же на берегу их ожидал не только незнакомый мир. За океаном им предстояло начать что-то вроде новой жизни, и это волновало приятнее всего, вселяя расплывчатые надежды. **а**

Разместившись в старой, но вполне приличной гостинице неподалеку от знаменитой набережной Копакабна, этой «эмблемы» Рио-де-Жанейро, Вольфганг позвонил Курту. Тот словно ждал их прибытия и позднего звонка. Обещал помочь в поиске подходящей квартиры, а на завтра пригласил поужинать у них, в домашней обстановке. **а**

Новые друзья сразу же пришлись Татьяне по душе. Марта решительно взяла её под свою опеку на первое время. Предложила познакомить с преподавательницей португальского языка, неплохо говорившей по-немецки. Разнообразную помощь был готов оказать Вольфгангу и Курт.

Приближалось рождество, стояло жаркое бразильское лето. По вечерам приятно было выйти к океану, ощутить его спасительную прохладу. «Мы теперь передвигаемся вверх ногами, как и все жители Южного полушария», – шутила Татьяна. А Вольфганг размышлял: обосноваться ли в этом прекрасном, но уж слишком жарком и шумном, кишашем преступниками городе, или перебраться в Сан-Паулу – бурно растущий промышленный гигант, снискавший себе славу «южноамериканского Чикаго». А может, поселиться в тихом провинциальном, и всё-таки столичном Бразилиа? Климат там гораздо лучше, в отличие от Сан-Паулу и Рио-де-Жанейро нет чудовищных автомобильных «пробок» и даже светофоры на улицах отсутствуют.

Вопрос решился сам собой, когда местная фирма-компаньон предложила выделить в городе Бразилиа – за символическую плату – офис в только что построенном высотном здании. И в придачу небольшой шикарный коттедж на берегу озера Параноа, где быстро росли виллы бразильских банкиров, министров, сенаторов и депутатов Национального конгресса. Но прежде Вольфгангу предстояло поработать в Рио ещё два-три месяца.

Курт с семейством тоже собирался переехать в новую столицу примерно через полгода. Он откровенно сожалел об этом, поскольку, по его словам, успел влюбиться в живой, вечно бурлящий Рио-де-Жанейро. Обзавелся множеством друзей и знакомых среди неунывающих местных жителей – «карик» – и его пугало неизбежное переселение в чопорный город дипломатов и «белых воротничков». **о**

– Я привык, например, постоянно видеть, словно парящую в небе, гигантскую статую Христа-Искупителя на вершине горы Корковду. Кстати, знаете ли вы, друзья, почему каменный Христос замер, широко раскинув руки? Здешние шутники утверждают, что он приготовился заплодировать, как только горожане начнут когда-нибудь работать. Но этого не произошло до сих пор, да и вряд ли господь вообще дожждётся от них такого подвига... **а**

Однажды Курт и Марта пригласили своих новых друзей отобедать в загородном ресторане-шураскари «Гашу». По их мнению, грешно прожить в Бразилии хотя бы неделю и не отведать знаменитого жаренного на шампуре мяса – «шурску». «В Европе такое блюдо не прижится и в самом счастливом сне», – заверил Курт. **и у а**

И он оказался прав. Ни Вольфгангу, ни Татьяне, умевшей, кстати, прекрасно готовить, ещё не доводилось насладиться так замечательно поджаренной, сочной говяжьей вырезкой. И в таком количестве. Вот только местное пиво заметно уступало баварскому.

Неизгладимое впечатление на них произвёл толстенный бразилец за соседним столиком. Он оказался единственным посетителем ресторана, сумевшим поглотить весь ассортимент «шурску-а-родзиу», то есть, «шашлыка вкруговую». А это двадцать четыре немаленьких порции различного мяса и всего-то примерно за десять долларов! Кстати, еда для детей клиентов, заказавших такой шашлык, включена в счёт, и лишь за напитки надо платить отдельно. **а и**

Переведя дух и освежившись очередной кружкой пива, обжора сделал знак официанту в костюме пастуха-гашу с красным платком на поясе, чтобы тот повторил заказ. Стартовал новый круг, теперь уже бесплатный для клиента, как и рекламировало заведение в надежде, что такой Гаргантюа вряд ли когда-либо отыщется среди посетителей. **у**

В машине Курта по дороге домой от души смеялись над прожорливым толстяком.

– Как полезно ходить в такие заведения в Южной Америке, – задумчиво сказала Татьяна. – А то мы с мужем почти разучились смеяться – всё никак не можем забыть одну трагическую историю...

Вольфганг кашлянул и выразительно посмотрел на жену. Она поняла свою оплошность. Но Курт и Марта тактично воздержались от расспросов и продолжения темы.

XI

Монолог о злополучном советском кинотеатре вырвался у Вольфганга сам собой, когда они с Татьяной уже несколько месяцев жили в Бразилиа, и ему пришлось слетать в Рио-де-Жанейро на пару дней по делам.

Почему не сдержался и проговорился, зачем его потянуло на откровение с мало знакомым, в сущности, человеком, да ещё иностранцем – представителем так называемого социалистического лагеря!? Разумного объяснения он не находил и сильно злился на свою болтливость.

Потягивая холодное пиво за круглым вращающимся столом «сервежари» на проспекте Атлантика, он вдруг признался Курту, что его давно мучают угрызения совести за одну роковую ошибку. Нет, даже за преступление, совершённое в молодости по глупости и из необузданного чувства мести. И что теперь он многое отдал бы, чтобы искупить вину перед Татьяной и её соотечественниками. **И**

Тот деликатно, чтобы не смутить собеседника, поинтересовался:

– А ты не преувеличиваешь? Неужели «ошибка молодости» так ужасна и трудно исправима? Не проще ли в этом случае постараться забыть о ней раз и навсегда? Зачем отравлять себе жизнь, посыпать голову пеплом, если сделать уже ничего нельзя. Как говорят умудрённые опытом люди, «никогда не жалею о содеянном»...

И тогда Вольфганга прорвало – он рассказал в подробностях всё, как было, надеясь хоть немного облегчить угнетавший его тяжкий груз.

Курт выслушал подробную исповедь внимательно, не перебивая и не задавая уточняющих вопросов. Оставался бесстрастным, не стал ни упрекать, ни утешать или сочувствовать. После беседы нисколько не изменил своего доброго, приветливого отношения. Уже за одно это Вольфганг, вскоре пожалевший о своей мимолетной слабости, был признателен новому другу.

XII

Молодая бразильская столица – творение гения знаменитого архитектора Оскара Нимейера (многочисленная немецкая община в крупнейшей стране Латинской Америки гордилась тем, что он – потомок их соотечественников, хотя и коммунист, не скрывавший принадлежности к преследуемой и действовавшей в подполье партии), – росла, как на дрожжах.

Работы было много, и доходы новорождённой компании радовали – не столько Вольфганга, сколько его патрона, не скупившегося на хвалебные телеграммы, присылаемые по телексу. И всё-таки они с Татьяной скучали по Германии, да и по европейской культуре, искусству, стилю жизни. В своём небольшом коттедже с бассейном, садовником-мулатом из северо-восточного штата Сеар и чернокожей служанкой, действительно чувствовали себя, как в золочёной клетке. Это ощущение усиливалось, когда они вспоминали не только Бремен, но и пёстрые шумные улицы Рио-де-Жанейро. **а**

Иногда, словно размышляя вслух, Татьяна вздыхала: ещё не поздно завести ребенка; сын или дочь сделает их беспечное пребывание за океаном более осмысленным, оправданным и во всех отношениях полезным.

Но муж был непреклонен. Он твердил, перефразируя известное высказывание французского писателя-пилота Антуана де Сент-Экзюпери: «Мы в ответе за тех, кого породили».

Вправе ли они дарить мимолётность бытия новому разумному существу? Жизнь, по убеждению Вольфганга, не такая уж привлекательная штука, а скорее даже наоборот. В окружающем мире столько жестокости, бессмысленного насилия, не говоря уже о кричащей несправедливости. Судьба каждого человека соткана из драм, щедро разбавленных трагедиями, и очень скупое, дозировано – удовольствиями и радостями. Есть ли у них моральное право обрекать будущее горячо любимое дитя на быстротечный период борьбы и страданий, сдобренный редкими моментами счастья? Жена неуверенно возражала, но в глубине души была согласна с подобным умозаключением и не настаивала на воплощении своего то пробуждавшегося, то затухавшего материнского инстинкта.

Тем временем на гигантском пустыре, отведённом под посольства, кипела работа. Росли и хорошели сверхсовременные, нередко вычурные, разностильные здания иностранных дипломатических миссий. Микрорайон мог войти в «Книгу рекордов Гиннеса» как крупнейшее в мире средоточие архитектурной эклектики.

Бразильское министерство иностранных дел – «Итамарат – предусмотрительно, от греха подальше, «развело» посольства ФРГ и ГДР. А вот миссии двух ядерных сверхдержав – приземистое, наполовину заглублённое в землю, видимо, из соображений безопасности, огромное здание посольства США, и, словно в пику янки, довольно высокий длинный дом советского посольства с красными бетонными решётками-щитами перед окнами на верхних этажах (шутники насчитали пятнадцать таких украшений, что дало им повод иронизировать: решётки символизируют-де «свободу» пятнадцати республик советской империи!), неосмотрительно разместили по соседству. Причём на одном из самых престижных и лакомых для застройщиков участков, недалеко от единственного тогда небоскрёба – здания Национального конгресса. **и**

С появлением на широких, почти без перекрёстков, проспектах и улицах Бразилиа чёрных автомашин правительственных чиновников и шикарных лимузинов с зелёными дипломатическими номерами светская жизнь в новой столице забила ключом.

Редкий день в обеденные часы проходил без официальных коктейлей, а вечер – без приёма или званого ужина в каком-нибудь посольстве или торговом представительстве. Вольфгангу не нравилась эта пустая трата времени на болтовню, и особенно – необходимость иногда облачаться в смокинг. Но, как утверждают французы, *noblesse oblige* («положение обязывает»): имя представителя довольно известного германского концерна пополнило чуть ли не все

списки приглашаемых. К тому же сверхсовременное здание театра ещё только строилось, а кинотеатров было маловато. В общем, как вздыхала Татьяна, «это нам не Европа, а Новый свет, и жить тут приходится по-новому».

Месяц сменялся месяцем, сезон дождей – периодом невероятной сухости, позволявшим садовнику неделями не мыть представительский автомобиль Вольфганга. В комнатах в дополнение к кондиционерам приходилось постоянно держать включёнными увлажнители воздуха.

Стало веселее, когда Курт с семьёй тоже перебрался в столицу. Они с удовольствием общались, по-прежнему избегая затрагивать политические темы. Но вскоре новые друзья отправились в отпуск в ГДР.

По совету одного знакомого западногерманского коммерсанта, Вольфганг повёз Татьяну в Кристалну. Этот крошечный поселок примерно в 130 километрах от Бразилиа покорила их обилием лавчонок, торгующих драгоценными и полудрагоценными камнями, а также ювелирными украшениями довольно высокого качества. Причём цены были не сравнимы с теми, что отпугивают покупателей, красуясь в витринах знаменитой ювелирной фирмы «Штерн» и других роскошных магазинов в крупных городах. **И**

В первую же поездку они обошли почти все лавки, шутливо отбиваясь на единственной площади Кристаллины от ватаг босоногих мальчишек и девчонок, наперебой предлагавших купить «камешки». Якобы добытые их родителями, но, скорее всего, украденные в находящемся по соседству шахтах.

В одной из лавчонок Татьяна облюбовала несколько кулонов и ожерелье с жёлто-коричневыми топазами, сиреневыми аметистами, кроваво-красными гранатами и зелёными турмалинами. И не устояла перед россыпью-ассорти по названию «бразильские камни».

В следующие поездки – скорее развлекательные – она лишь разглядывала витрины и прилавки, явно охладев к коллекционированию самоцветов и украшений. Но Вольфганг на свой страх и риск выбрал одно из самых дорогих колец с бриллиантом и подарил Татьяне в день рождения, доставив немало радости.

А тут страна принялась лихорадочно готовиться к карнавалу. На «самый фантастический спектакль в мире», который ежегодно проводится на масленицу по всей Бразилии, но особенно бурно и пышно – в Рио-де-Жанейро, Вольфганг и Татьяна отправились в этот город на машине по прекрасной автостраде, большей частью петляющей в живописных невысоких горах.

Февральские «четыре безумных дня и ночи» потрясли и утомили их. Этот языческий праздник оголённой человеческой плоти, буйство красок, кричащую роскошь нарядов и какофонию звуков, извлекаемых из множества музыкальных инструментов, стит увидеть и услышать всего один раз и непременно – «живьём», чтобы навсегда запомнить и даже пресытиться уникальным зрелищем. **О**

Ночное шествие по широченному проспекту имени Жетулиу Варгаса десяти так называемых школ самбы, объединивших в едином танцевальном порыве две-три тысячи богато наряженных и одновременно полуобнажённых мужчин и женщин каждая; жизнерадостность и легкомыслие, возведённые в дни карнавала чуть ли не в ранг добродетели; бесчисленные конкурсы красоты и балы в закрытых аристократических клубах Рио-де-Жанейро... И всё это – под зажигательные ритмы самбы, не мелодии, не танца и не песни, а целого явления жизни бразильцев. Некоторые из них отплясывают в удушающую февральскую жару до обморочного состояния, а случается – и до последнего вздоха, геройски погибая на глазах у тысяч зрителей.

После карнавала наступило тяжкое похмелье. Полиция подвела трагические итоги: сотни погибших и покалеченных в автомобильных катастрофах, павших в уличных перестрелках и многочисленных драках.

Но, как с юмором прогнозировали газеты, невидимый пока положительный эффект крупнейшего языческого праздника традиционно даст о себе знать ровно через девять месяцев.

Когда на свет появятся сотни тысяч младенцев, зачатых благодаря безумным карнавальным ночам...

ХІІІ

Уже на следующий день по возвращении из Восточного Берлина, Курт пригласил Вольфганга в немецкий ресторанчик недалеко от аэропорта – один из самых камерных и дорогих в бразильской столице. Пожалуй, только в этом заведении умели правильно готовить традиционный «айс-байн». После нескольких рюмок импортной советской водки «Посольская», Курт развеселился, остроумно шутил, рассказывая не столько о своей стране и отпуске, сколько о событиях в старушке-Европе. Но вдруг прервал очередную шутку на полуслове и значительно посмотрел на собеседника:

– Помнится, не так давно ты говорил о готовности быть полезным русским, чтобы искупить вину за былую ошибку. Похоже, такая возможность наконец-то появилась. Если ты, конечно, не передумал, а главное – достаточно смел.

Вольфганг насторожился, но промолчал, пожав плечами.

Курт расплатился с официантом, и жестом пригласил приятеля в свою тесную «фуску». Завёл мотор, включил довольно громко автомобильный приёмник и с заговорщицким видом сказал:

– Перейду к делу. Мне, а значит, и моим советским друзьям, очень нужен один документ, который можно купить у сотрудника американского посольства. Договорённость уже достигнута, но, как ты догадываешься, все представители соцстран находятся здесь под незримым колпаком местной спецслужбы, которая тесно взаимодействует с ЦРУ. Нас постоянно разглядывают даже не через лупу, а через микроскоп. . .

– Ты подталкиваешь меня к шпионажу? Уж не работаешь ли, друг мой, на «Штази»?

– Успокойся: я – карьерный дипломат, однако это не мешает мне помогать кое-кому. Точнее, я патриот своей страны, как и ты – своей. При чём в таком случае американцы? Или у тебя среди них много друзей? А может, твой Бремен бомбили вовсе не янки с их верными прислужниками – англичанами?

Целый рой мыслей закружился в голове Вольфганга. Всё произошло слишком обыденно и просто – какой-то нелепый сон наяву! Смахивает на фрагмент дешёвого детективного фильма, к которым он никогда не проявлял особого интереса.

– Я не жду от тебя немедленного ответа, дружище. Подумай, сможешь ли ты, и главное, захочешь ли помочь мне и советским товарищам. Если нет – раз и навсегда забудем этот разговор. Но если всё-таки решишься, то давай встретимся в швейцарской кондитерской в «южном крыле» этого проспекта. Скажем, в пятницу, в час дня.

Они довольно сухо попрощались, и Вольфганг пересел за руль своего «Шевроле-Опла». **а**

Нет уж, ни шпионом, ни даже сообщником агентов секретных служб – будь то западные, а тем более восточные – он становиться не собирается. «Холодная война» навсегда расколола мир на два непримиримых лагеря, и они с Куртом волею судеб оказались по разные стороны незримой, но вездесущей баррикады. Какое тут может быть партнёрство, да ещё в таком грязном и недостойном деле?!

Нервно нажимая на акселератор, Вольфганг мчался по широкому пустынному проспекту, ведущему из аэропорта в центр города. Потом машинально объехал площадку с телевизионной башней. Припарковал «Опалу» на стоянке и поднялся на смотровую площадку.

Вечерний вид города, безмятежное зеркало озера вдали и безбрежность простирившегося за ним плоскогорья внушали покой и слегка успокоили его.

А что, размышлял он, если выполнить одну-единственную просьбу Курта, исключительно во искупление глупого греха молодости? Потом ведь можно послать приятеля вместе со «Штази», КГБ и «советскими товарищами» ко всем чертям.

Правда, по канонам детективного жанра, добровольного помощника после этого вряд ли оставят в покое. Вероятнее всего, начнут шантажировать, требуя всё новых мелких, а то и крупных услуг. Но ведь по завершении этой авантюры он всегда сможет пожаловаться директору концерна на подорванное в тропиках здоровье и потребовать срочного возвращения в Бремен. А там уж он станет совершенно недосягаемым для своих новых восточных «друзей».

Выкурив несколько любимых сигарет «Карлтон» и понаблюдав за группой японских туристов, суевившихся на смотровой площадке с фотоаппаратами и кинокамерами в руках, он так и не принял определённого решения. Как любит говорить в таких случаях его русская жена, «утро вечера мудренее». Сегодня они ещё успеют на последний сеанс в открывшемся недавно кинотеатре. А завтра, у себя в офисе, в спокойной обстановке, он взвесит все «за», «против» и возможные последствия выполнения необычной просьбы.

XIV

Однако и на следующий день Вольфганг гнал от себя мысль о перспективе стать добровольным подручным зловещей «Штази», которая, благодаря своему профессионализму и отчаянной смелости держала в постоянном напряжении контрразведки чуть ли не всех стран. Хотелось посоветоваться с Татьяной, но он не решился, не захотел её пугать. К тому же был уверен в отрицательной реакции жены. Нет, такие решения настоящий мужчина должен принимать самостоятельно.

В пятницу, в условленный час, какая-то неведомая сила (наверное, та же, что неумолимо влечёт живого кролика в пасть удава – однажды ему довелось наблюдать эту жуткую сцену в знаменитом сан-паульском серпентарии «Бутантн») привела его в швейцарскую кондитерскую. Там за чашечкой кофе его уже нетерпеливо поджидал Курт. Увидев мрачного, озабоченного Вольфганга, он попытался скрыть радость, но это ему не удалось. а

Инструкция заняла всего несколько минут, ибо дело, по словам нового друга, было хоть и не безопасным, зато предельно простым. Предстояло встретиться с американцем Джорджем К. – завсегдаем одного дешёвого ресторана, назваться мистером Шмидтом и незаметно передать ему конверт с сорока тысячами долларов в обмен на другой, «совсем маленький пакетик». Что в нём – Вольфганг, возможно, узнает потом. А пока надо было всего лишь исполнить роль надёжного почтового голубя.

Немного поколебавшись, он согласился. Но предупредил восточного немца: на подобный шаг идёт первый и последний раз в жизни! Тот в знак согласия шутливо поднял руки вверх.

Конечно, перед тайным свиданием Вольфганг поволновался. Однако знакомство с янки-любителем виски, да и вся «операция», действительно оказалась смехотворно простой. Они молча посидели за столиком полупустой пивной не больше десяти минут и поочередно покинули заведение. Первым уехал американец.

Когда в тот же вечер Вольфганг встретился с Куртом, чтобы передать ему полученный у американца «пакетик», тот горячо поблагодарил его и спросил:

– Если предложу деньги за помощь – обидишься?

– Ещё бы! Найди себе платного агента. А я не продаюсь.

– Я так и знал. Поэтому пусть наградой тебе станет секрет, который я открою, хотя и не должен был этого делать даже под страшными пытками – шучу, конечно. Итак, внимание! В пакетике – микрофотоплёнка с полным списком агентов ЦРУ, действующих «под крышей» посольства Соединённых Штатов Америки в Федеративной Республике Бразилии. И не только матёрых профессионалов, но и многочисленных стажёров, набирающихся здесь опыта. Всего около семидесяти душ. Плюс имена и фамилии более десятка резидентов ЦРУ из ряда соседних государств, которые приезжали на совещание к местному коллеге!

– Понятно. А стажёры-то зачем вам понадобились? – Вольфганг не удержался от наивного вопроса.

– Как это зачем? Они – будущие разведчики, и вполне могут объявиться в Советском Союзе, ГДР или в других социалистических странах. Да и разве плохо заранее знать «кто есть кто» вообще в любой точке мира? Например, чтобы попытаться завербовать кого-то из них где-нибудь в Пакистане или Индонезии. Так что ты оказал нам очень ценную, не побоюсь этого слова – широкомасштабную и долгоиграющую услугу...

– Всё так легко, просто и всего лишь – за сорок тысяч «баксов», в которые вы оценили этого продажного пьяницу!

– А вот тут ты ошибаешься. С твоей бескорыстной помощью мы провернули очень важную операцию. Не думай, что всё действительно так легко и просто. Для вербовки этой мелкой сошки, технического сотрудника резидентуры, потребовалась опасная кропотливая работа.

И литры спиртного, выпитые с ним за компанию в ущерб собственному здоровью, прошу это заметить. Кто оплатит лечение печени?..

Вольфганг проигнорировал шутку:

– А если агенты ЦРУ попытаются ответить тем же и завербуют такую же восточногерманскую или советскую «мелкую сошку»?

– Исключено. За границей нашим и советским техническим сотрудникам резидентуры, и даже простым, «гражданским» шифровальщикам, строжайше запрещено появляться в одиночку за пределами территории посольства. А тем более – шастать по питейным и прочим злачным заведениям, накачиваться алкоголем. Единожды нарушив железную дисциплину, такой товарищ будет немедленно отправлен домой и навсегда потеряет интересную выгодную работу. На его профессии будет поставлен жирный крест...

Вольфганг не без гордости подумал, что, оказывается, выполнил для Москвы задание существенной важности, и, пожалуй, рассчитался с русскими за старый долг. Однако, оставаясь наедине со своими мыслями, признавался, что не злорадствует, не испытывает к американцам ни малейшей вражды, а тем более ненависти.

Что правда – то правда: мягко говоря, янки не были ему симпатичны. Достаточно вспомнить разрушения, нанесённые американскими самолётами немецкой земле. Но он хорошо помнил и о том, что именно благодаря щедрому «плану Маршалла», гигантскому воздушному мосту помощи, Германия, да и вся Западная Европа, смогли быстро возродиться из невиданных прежде руин. И стать теми, кем стали.

Однако горячая Вторая мировая война вскоре уступила место не менее жестокой «холодной», и теперь ему пришлось на какой-то миг принять в ней участие. Вероятно, он совершил ошибку, оказавшись не на той стороне незримого фронта. Но его вынудили к этому серьёзные личные обстоятельства, которые должен учитывать любой здравомыслящий человек в качестве оправдания такого поступка.

Как и то, что обмен ударами в этой «войне» будет нескончаемым и всё более жестоким, а переменный успех сопутствовать то одному, то другому противоборствующему лагерю. В подтверждение этого вывода Вольфганг спустя много лет узнал из прессы: сказочную услугу ведомству в Лэнгли оказал советский майор-перебежчик Виктор Шеймов – главный шифровальщик КГБ.

В мае 1980 года он умудрился сбежать из московской квартиры, тщательно прослушивавшейся с помощью электронных «жучков». Через Польшу и столицу Австрии перебрался в Вашингтон – разумеется, при содействии американских «дипломатов». Да не один, а с женой и дочерью. Причём этот, тогда 33-летний офицер разведки, владевший всеми главными шифровальными кодами КГБ, находился ещё и под неусыпным визуальным наблюдением «топтунов» – секретных агентов наружной слежки из своего знаменитого учреждения на столичной площади имени Дзержинского.

Молодой майор не только сумел «слинять», но и так искусно обставил свой побег, что в течение десятилетия его коллеги и верные друзья не сомневались: товарищ Шеймов с семьёй, бесследно исчезнувшие в Москве накануне Летних Олимпийских Игр, стали жертвой уголовников или какой-то загадочной трагедии.

А в это время ценнейший дезертир делился своим шифровым богатством с заокеанскими хозяевами. Так что в разгар «холодной войны» руководители американского и советского разведывательных ведомств, надсмехаясь над своим обманутым противником в Москве и Вашингтоне, даже не подозревали, что благодаря добровольному содействию западногерманского инженера Вахендорфа «засвечена» куча агентов ЦРУ, а из-за предательства майора Шеймова советские сверхсекретные донесения таковыми, увы, для США не являются. Их там оперативно почитывают и пытаются действовать на опережение.

И самое удивительное – вопреки элементарным правилам шпионского ремесла, оба лагеря ведут игру дерзко, почти в открытую! Правда, в этом эпизоде противостояния Советский Союз потерпел поражение, поскольку польза от добытого с помощью Вольфганга списка агентов не могла сравниться с теми возможностями, которые открыли американцам ключи к обмену сверхзакрытой информацией, доставленные из знаменитой Лубянки перебежчиком в погонах.

XV

Месяца два Вольфганг и Курт не общались и даже не перезванивались, а, неизбежно встречаясь на дипломатических приёмах, лишь издали сдержанно кивали друг другу. Жёны продолжали видаться и болтать по телефону, как ни в чём не бывало; похоже, их дружба крепла с каждым днём. И вдруг Татьяна объявила, что Марта приглашает их в гости в ближайшую субботу скромно отметить свой день рождения.

Он многое отдал бы, чтобы не идти в дом к бывшему приятелю. Но как объяснить жене такую резкую перемену в его отношениях с Куртом? До сих пор удавалось не слишком убедительно сослаться на занятость по работе, но на это алиби в выходной день лучше не упоминать.

Компания в доме Марты собралась интернациональная. Среди десятка пар приглашённых на сосиски и пиво была симпатичная супружеская чета из советского торгового представительства.

Упитанный мужчина средних лет, назвавшийся Алексеем, вручил Вольфгангу визитную карточку заместителя главы торгпредства СССР в Бразилии и поинтересовался, играет ли тот в шахматы. Вольфганг кивнул, но признался, что, конечно, он не такой искусный шахматист, как русские виртуозы древней индийской игры. Алексей, попросив называть его Алексом, рассмеялся и предложил как-нибудь померяться силами на шахматной доске.

Царило беззаботное веселье, вечеринка явно удалась. Довольные гости разъехались по домам поздно. Татьяна была рада познакомиться и пообщаться с приятными, интеллигентными соотечественниками. Супруга Алексея настойчиво высказывалась за «дружбу семьями». А для начала принялась зазывать на настоящие русские пироги с капустой, которые она печёт по старому, ещё бабушкину, рецепту.

Через несколько дней русский шофёр привёз Вольфгангу деревянный ларец, упакованный в яркую обёрточную бумагу. Вскрыв посылку, адресат обнаружил увесистую шахматную доску из бразильскую агата и такие же светло-серые и тёмно-коричневые фигуры. К ним прилагались шахматные часы советского производства. У него не вызвало сомнения, кого придётся поблагодарить за прекрасный подарок и пригласить на «поединок».

XVI

При более близком знакомстве Алексей проявил себя человеком эрудированным, с широкими и нередко оригинальными взглядами на окружающий мир. Свободно владел не только португальским и испанским, но и английским. Прекрасно играл в шахматы, бильярд, пинг-понг, теннис, волейбол, баскетбол, собирался заняться ещё и гольфом. «Я успел пройти длительную и разнообразную школу работы в советских „колониях“ за рубежом», – острил он, объясняя свои универсальные спортивные способности. Хотя пока и не уточнял, в каких именно странах ему довелось служить до Бразилии.

Заместитель торгпреда хорошо разбирался в тонкостях бразильской и мировой экономики. К удивлению Вольфганга, развитие советской оценивал весьма скептически, откровенно заявляя, что держится она почти исключительно на экспорте нефти и природного газа, а цены на углеводородное сырьё могут пойти вниз в любой момент благодаря развитию энергосберегающих технологий и использованию новых источников энергии, прежде всего, возобновляемых – вроде ветра, солнца и морского прилива. Или даже из-за враждебного сговора крупнейших иностранных производителей нефти и газа. И тогда «великому и могучему» Советскому Союзу придётся ох как нелегко!

Более того, Алексей не одобрял огромных расходов на помощь зарубежным друзьям, считая, что максимально привлекательную витрину социализма следовало бы создать, прежде всего, в своей стране, не расплескивая ресурсы. Тогда пропаганда нового общественного строя давала бы совсем другие результаты. «Ну, какой смысл возводить огромные металлургические заводы и электростанции в африканских тропиках, где-нибудь в Конго, Гане или Эфиопии? Туда надо гнать дешёвый ширпотреб с крупной маркировкой „Сделано в СССР“, чтобы завоевать симпатии местного населения. А вот с этими товарами у нас самих пока очень туго». Критиковал и непомерные затраты Москвы на вооружение. Такие высказывания звучали в брежневские времена непривычно смело в устах советского чиновника, и смахивали на попытку провокации.

Догадываясь, что Алекс оказался на дне рождения Марты отнюдь не случайно, Вольфганг старался держать его на расстоянии, хотя изредка они навещали друг друга, чтобы сыграть пару партий в шахматы и выпить немного виски. Беседовали легко и непринуждённо на самые разные темы, и часто их точки зрения совпадали или были близки, как пишут в официальных коммюнике по итогам зарубежных визитов высочайших персон.

К дружескому общению располагало и новое поветрие из Европы, где между Западной Германией и Советским Союзом впервые наметилась так называемая политика разрядки. К ней подтолкнула Бонн и Москву «делка века», в результате которой сибирский природный газ должен был широким потоком поступать в ФРГ в обмен на немецкие стальные трубы, изготовленные по особой технологии, недоступной русским. Конечно, о дружбе двух стран говорить не приходилось, но взаимная беспощадная критика пошла на спад. Это не могло не радовать Вольфганга и Татьяну, порождая пока неясные надежды.

С каждой встречей, исподволь наблюдая за своим новым знакомым, Вольфганг постепенно убеждался: Алексей работает на советские секретные органы, хотя это не очень-то вязалось с его внешностью, тонкими манерами и мягким характером. А тем более – с осуждением много чего «совкового». Впрочем, время шло, однако русский не обращался к западногерманскому приятелю с просьбами и вообще не пытался влезть в душу.

В один из майских вечеров, когда приближалась очередная годовщина окончания Второй мировой войны, Алексей, словно невзначай, бросил:

– Я искренне завидую бразильцам и прочим латиноамериканцам! Они даже вообразить не могут, что такое война. Не то, что мы с Вами, многострадальные европейцы. А ведь и в наши

дни ещё немало нацистских военных преступников скрывается от правосудия в Южной Америке. В том числе и здесь, в Бразилии. Нет, я вовсе не упрекаю правосудие ФРГ в пассивности, ибо знаю: международное законодательство предусматривает выдачу политических преступников только из тех стран, где совершённые ими злодеяния считаются таковыми. Но это, к сожалению, не тот случай.

Вольфганг охотно согласился: жители Западного полушария – баловни судьбы и щедрой природы. Действительно, поддакнул он, когда Европа истекала кровью, некоторые государства американского континента наживали громадные деньги на поставках зерна, мяса, другого продовольствия и стратегического сырья воюющим сторонам. Иногда – сразу обеим.

– Вот-вот, – кивнул Алекс. – Не знаю как Вам, а мне трудно смириться с мыслью, что лозунг «Каждому – своё», начертанный на воротах германских концлагерей, по-прежнему благоволит бывшим палачам, неплохо устроившимся в Южной Америке. Кстати, Вашей русской жене, я слышал, пришлось в течение нескольких месяцев пройти через одну из таких «фабрик смерти» и уцелеть по чистой случайности?

XVII

Вскоре Курт объявил о своём предстоящем отъезде из Бразилии. И даже не пытался скрыть ликования: его переводили в посольство Германской Демократической Республики в Перу – с повышением в ранге, как гордо не преминул уточнить «дипломат». «Не я ли помог тебе продвинуться по карьерной лестнице?» – подумал Вольфганг. Но озвучивать свой вопрос не стал.

Вообще-то он был доволен отъездом бывших друзей, полагая, что теперь будет легче забыть не самый приятный эпизод своей жизни. Как говорится, с глаз долой – из сердца вон...

Прощальный коктейль в резиденции посла Восточной Германии собрал, как обычно, много гостей. Этот дом был весьма популярен в новой столице: умелая протокольная работа главы дипломатической миссии ГДР, а главное – внешность его супруги, бесспорно считавшейся победительницей негласного заочного конкурса красоты в светском обществе, привлекали немало завсегдатаев различных раутов. В первую очередь – мужчин, но заодно – их ревнивых жён.

Когда гости откланялись, и оставалась лишь группка тех, кто обычно не расстаётся со стаканом и не прерывает пустопорожних бесед до красноречивого сигнала хозяев – выключения главной люстры в зале, Курт представил Вольфгангу своего преемника. Его звали Клаус. Он был немолод. Проницательный взгляд и спортивно-военная выправка этого «дипломата» не оставляли сомнений в его принадлежности и ко второй, вполне определённой, профессии. «Этого штазника в любом случае надо держать на безопасной дистанции», – теперь уже твёрдо и бесповоротно решил Вольфганг.

После отъезда Курта и Марты промелькнуло около года. В тропиках время для европейцев скользит незаметно из-за отсутствия привычных зимы, весны и осени. Одно столь желанное вечное лето, от которого, как ни странно, сильно устаёшь!

За это время «дочка» концерна упрочила свои позиции на весьма конкурентном местном рынке и смогла немного расшириться. Вольфганг переманил трёх опытных сотрудников из бразильской фирмы-партнёра. А в помощь Татьяне по её просьбе нанял Антонину, пожилую дочь русских иммигрантов, переехавшую в столицу из южного города Куритибы. Эта женщина, всю сознательную жизнь проработавшая бухгалтером, очень старомодно изъяснялась по-русски. Её родители после революции 1917 года бежали из России в китайский Харбин, оттуда перебрались сначала в Рио-де-Жанейро, а потом южнее, где было немало таких же беженцев. Антонина снабжала Татьяну художественной литературой на русском языке: её младший брат владел небольшой лавкой в Рио-де-Жанейро, торговавшей советскими книгами. Они поступали из Москвы по официальным каналам и пользовались спросом среди русскоязычных иммигрантов.

... На приёме по случаю национального праздника Мексики Алексей снова завёл разговор о бывших нацистах. Он доверительно сообщил, что, по его сведениям, агенты израильской спецслужбы весьма активно, и главное – небезуспешно действуют в Бразилии.

– Уж не сотрудничает ли легендарный «Моссад» со своими коллегами из Страны Советов? Несмотря на вражду и отсутствие дипломатических отношений между вашими странами, – с нескрываемой иронией поинтересовался Вольфганг.

Алекс ответил уклончиво:

– Страна Советов, как Вы выразились, не воюет с немощными и выжившими из ума стариками. Но не скрою, что сообщения об аресте того или иного бывшего палача в любом уголке планеты вызывают удовлетворение у нашего народа. Например, советских людей не могла не порадовать успешная операция израильтян по захвату и вывозу из Аргентины матёрого нациста Адольфа Эйхманна, суд над ним в Иерусалиме, а главное – справедливый смертный

приговор. Этот военный преступник, как Вам наверняка известно, закончил свои дни на виселице...

Во время следующей встречи – за шахматной доской, когда Вольфгангу удалось выиграть трудную партию, и они, позванивая кусочками льда в стаканах с виски, вышли прогуляться в сад, Алексей достал из бумажника фотографию седого старика с бесцветными глазами. Он попросил Вольфганга вспомнить, не встречал ли этого человека во время поездок по Бразилии и общения с местными немцами. Его отличительная особенность – гигантский, почти двухметровый рост – большая редкость в этой стране.

Персонаж на фотографии был удивительно похож на бразильского генерала Эрнсту Газела, входившего в правящую военную верхушку. Ему прочили большое политическое будущее, даже пост президента. Гайзел был немцем по происхождению, о чем Вольфганг не преминул напомнить своему русскому знакомому, и съязвить: в столь высокие сферы Бразилии он пока не допущен. И вряд ли на подобную привилегию может рассчитывать. **е й**

– Шутки – шутками, – терпеливо ответил тот, – но по нашим сведениям, обладатель этой физиономии – австриец, палач узников в концлагерях «Треблинка» и «Собибор» Густав Вагнер по кличке Густл. По его личным указаниям загублено немало невинных еврейских душ. Израильтяне жаждут «достать» его любой ценой – живым или мёртвым. Будьте уверены, они не упустят такую добычу. Сенсационное сообщение не заставит себя ждать. Так что внимательно читайте бразильские газеты. Ну а потом израильская секретная служба бросит все силы на поиск Йозефа Менгеле, получившего прозвище «Ангел Смерти из Аушвица». Из Европы ему удалось скрыться, как известно, с помощью Международного Красного Креста. Этот изверг был уже на крючке, когда похищение Эйхманна и, главное, очередное обострение обстановки на Ближнем Востоке, отвлекло руководителей «Моссада», позволив экспериментатору над живыми людьми бежать из Аргентины, чтобы укрыться в Парагвае под крылом диктатора генерала Стресснера. Кстати, тоже этнического немца. Но опять же – не исключено, что и герр Менгеле спокойно доживает свой век в Бразилии, прикрываясь фальшивым паспортом...

(Русский оказался настоящим провидцем. Прошло не так уж много времени, и 7 февраля 1979 года, во время купания в океане близ города Сан-Паулу, у престарелого немца Вольфганга Герхарда случился второй инсульт. И он утонул в нескольких метрах от пляжа. Вскоре удалось с абсолютной точностью установить, что это был ни кто иной, как Йозеф Менгеле. Когда израильский «Моссад» начал за ним охотиться, он переселился из Аргентины сначала в Парагвай, затем в Бразилию и много лет скрывался под чужим именем на отдалённой изолированной от внешнего мира ферме. Там он доживал свой век в бедности, вместе с несколькими крестьянами венгерского происхождения. Но незадолго до смерти сумел перебраться в крошечную квартирку на окраине Сан-Паулу. Золотыми деньками этого изверга можно считать аргентинский период жизни во время правления генерала Хуана Перна: в Буэнос-Айресе военный преступник работал под чужим именем врачом, и его практика процветала). **о**

XVIII

Всего через пару месяцев после беседы с Алексеем об уцелевших нацистах ведущие газеты страны – «Жорнал ду Бразил», «Фолья ди Сан-Паулу» и «Эстаду ди Сан-Паулу» – почти одновременно сообщили о тайной встрече бывших военных преступников. Она была посвящена очередной годовщине со дня рождения Адольфа Гитлера и проходила в отеле провинциального городка Итатия, близ Рио-де-Жанейро. Огромные заголовки извещали, что анонимному бразильскому репортёру удалось сфотографировать главаря сборища – некоего Манфреда Рёдера. Газеты в унисон трубили, что, по мнению западногерманских властей, именно он возглавляет так называемое Международное нацистское движение. **а**

Утверждалось также, что тайную вечерю посетил и Густав Вагнер – в прошлом один из начальников польских концентрационных лагерей «Треблинка» и «Собибор». Более того, какой-то немецкий турист (не уточнялось, из Западной или Восточной Германии, поскольку бразильцы нередко путали эти страны), якобы случайно оказавшийся в отеле, сфотографировал палача многих тысяч евреев.

И Вольфганг увидел снимок старика, показанный ему Алексом. Да, это был он и никто другой.

Невероятно! В Бразилии, враждебной Кремлю, антикоммунистической стране – верной союзнице Соединённых Штатов, за тридевять земель от Родины, горстка агентов КГБ и «Штази», рискуя свободой, а то и жизнью, способна проворачивать такие дела, оказывая мощное воздействие на местное, да и мировое общественное мнение! Это, чёрт возьми, не могло не вызвать восхищения, заставляло по-другому взглянуть на «рыцарей плаща и кинжала» из-за «Железного занавеса».

В ответ на его восторженный монолог во время очередной встречи Алексей усмехнулся, хотя и было заметно, что он весьма польщён.

– Нет, мы отнюдь не всемогущи. Но кое-что умеем, и располагаем кое-какими рычагами даже в этой нелёгкой для нашей работы стране. Кстати, если бы Вы смогли оказать нам одну услугу – речь пойдёт как раз об этом злополучном старике Вагнере... Он скрывается под чужой фамилией, и так тщательно замёл следы, что только его соотечественник, выдающий себя за единомышленника, мог бы, пожалуй, вытянуть его на свет божий. Не считите за наглость, но думаю, эта роль больше всего подходит именно Вам.

Вольфганг решил отшутиться: нет, он вовсе не желает становиться охотником на престарелых нацистов, успевших выжить из ума.

– А охотиться вовсе и не понадобится. Ему нужно всего лишь предъявить ультиматум с требованием сдать судейским властям Германии или Израиля. Иначе, боюсь, рано или поздно он «случайно» попадёт под машину или умрёт от загадочной болезни, похожей на отравление, а то и на сердечный приступ. Так что Ваша миссия стала бы в какой-то мере даже гуманной и, не побоюсь этого слова, благородной – Вы помогли бы старцу спасти его паршивую шкуру. Хотя, на мой взгляд, он вполне заслуживает виселицу, как и его бывший коллега Эйхманн...

И опять дилемма, развилка невидимого пути: спокойные скучные дни или неоправданный риск и никчемный стресс. Впрочем, как советовал своим почитателям американский поэт-космополит, представитель всё того же «потерянного поколения» Эзра Паунд, «Если не знаешь, какое из двух равноценных действий выбрать – выбирай более дерзкое». Злясь на свою покладистость, Вольфганг всё-таки поборол сомнение и согласился выполнить «благородную миссию». Видимо, – размышлял он в своё оправдание, – сильный характер Алексея, его харизма гипнотически подействовали на него, мягкотелого и хронически страдающего комплексом вины. Одновременно в груди шевельнулось и давно забытое чувство, чувство мще-

ния. Но теперь не за погибших на войне и в тылу соотечественников, а за невинных людей, погубленных этим извергом Вагнером.

XIX

С чего начать? Вольфганг не сомневался – нужно лететь в южные штаты Бразилии якобы по делам своей компании. Особого внимания заслуживает Блумену, который по праву считается «самым немецким городом в Южном полушарии». **а**

Он побывал в многочисленных кабаках Блуменау, пытался вызвать их хозяев и завсегдаев на откровенные беседы, намекая (и, слава богу, не греша против истины), что во время Второй мировой войны стал одной из жертв беспощадных «красных». А теперь хотел бы отыскать кого-нибудь из товарищей по оружию.

Однако не слишком приветливые к незнакомцу собеседники, даже за стаканом-другим полусладкого вина местного производства, сохраняли абсолютный герметизм. Они не желали допустить чужака в свой замкнутый провинциальный мирок, в шкафах которого наверняка хранилось немало скелетов.

Когда через четыре дня уже собрался отбыть домой с пустыми руками – впрочем, он был доволен знакомством с европеизированными южными городами Бразилии, – его представили местному протестантскому священнику.

Разговорились, быстро почувствовав взаимную симпатию. Вольфганг осторожно задал патеру интересовавший его вопрос. Тот спокойно ответил:

– Ваших фронтовых товарищей много в соседнем Парагвае, где они чувствуют себя в полной безопасности, пока в президентском дворце хозяйничает генерал Стресснер. Парагвайского диктатора, потомка мелкого баварского пивовара, они считают своим соотечественником. Но немало бывших германских военных можно встретить также в Аргентине, Боливии, Чили... Кстати, в Чили существует целая загадочная «Колония Дигнидад», образованная выходцами из Германии. Но эта община настолько закрыта для посторонних, что даже Вы вряд ли туда будете допущены. Так или иначе, чтобы Вам пока не выезжать за границу, я дам на всякий случай один адресок в штате Мату-Гросу.

Вольфганг поблагодарил священника и немедленно отбыл в столицу, чтобы пересесть на самолёт, вылетающий несколькими часами позже в мало обжитый человеком огромный штат. Снова ощутив непривычный азарт, он даже не позвонил из аэропорта жене. К тому же не хотелось отвечать на неизбежные расспросы о цели поездки в забытую богом часть страны. Время в зале ожидания скоротал в попытке вообразить во всех подробностях вероятную встречу со старцем гигантского роста. Главное – завязать разговор, чем-то зацепить собеседника, и при этом не вызвать подозрений.

Вечером маленькая «Сессна» благополучно доставила его в крошечный городок, где он разместился в весьма приличном отеле с душем, кондиционером, телевизором и холодильником, заполненным разнообразными напитками. Но и, как выяснилось совсем скоро, с постоянными жильцами – огромными усатыми тараканами-«бартами», к которым они с Татьяной так и не смогли привыкнуть в Бразилии. И которые продолжали вызывать почти тошнотворное чувство брезгливости. **а**

Предыдущий опыт подсказывал: если пожаловаться метрдотелю, тут же явится служащий, добросовестно израсходует на борьбу с пронырливыми насекомыми большой флакон ужасно вонючей жидкости – дихлофоса. Однако победителями из этой схватки человека, точнее – «волшебницы-химии» – с тварями, уже несколько миллионов лет обитающими на Земле, выйдут всё-таки «бараты», некоторые особи которых напоминают своими размерами взрослых мышат.

Приняв душ и переодевшись, Вольфганг выпил банку ледяного пива, закусил солёными орешками и спустился в холл. У дверей стояло несколько потрёпанных такси неопределённого

цвета и возраста. Вольфганг кивнул шофёру одного из них и отправился по указанному священником адресу.

В скромном двухэтажном особняке долго не отзывались на кнопку электрического звонка. Прошло минут пять, пока Вольфганг догадался, что это устройство не работает. Постучал ключами от своего офиса в массивную деревянную дверь, давно не знавшую краски. Окна первого этажа осветились тусклым светом, и в проёме двери появился худощавый молодой мулат. Он долго, внимательно слушал Вольфганга. Буркнув «Подождите!», бесцеремонно захлопнул дверь и надолго исчез. Возвратился в сопровождении двух бородатых мужчин лет сорока, в которых Вольфганг без труда узнал соотечественников, хотя изъяснялись они на португальском языке почти безупречно.

Он назвался и предъявил визитную карточку. Сообщил, что адресом его снабдил священник из Блуменау. Но это не ослабило нескрываемую настороженность, с которой оба встретили пришельца. Отлучившись на несколько минут, вернулись, нехотя пригласили войти в прихожую и осведомились, чем могут быть полезны.

Вольфганг принялся импровизировать довольно складную, как ему казалось, легенду о тоске по братьям по оружию, уцелевшим в мясорубке войны. Однако собеседники прервали незваного гостя, сказав, что они – единственные немцы «в этом проклятом захолустье», и по возрасту никак не могли быть участниками Второй мировой. Занимаются, мол, биологическими исследованиями местной фауны и флоры уже давно. Прижились, женились на бразильянках, завели детей.

Один из хозяев выразительно посмотрел на часы, и Вольфганг счёл за благо ретироваться.

Ближайший рейс в Бразилиа был только утром следующего дня. Вольфганг зашёл в дешёвый, но чистый ресторанчик, выбрал по совету словоохотливого хозяина «фейжоду». После сытного фасолево-мясного ужина решил прогуляться по главной улице городка, обсаженной огромными манговыми деревьями. Время от времени увесистый упругий плод срывался с ветви и смачно разбивался об асфальт или о крыши припаркованных автомашин. Чтобы не схлопотать нокаутирующий удар в голову, Вольфганг предпочёл держаться поближе к лужайкам перед домами. Потом свернул на первую же улицу – как оказалось, плохо освещённую и безлюдную. **а**

Пройдя сотню метров, он увидел, как перед одноэтажным неприметным коттеджем остановился длинный белый «Линкольн». Из него вышли двое недавних знакомцев. Оглядевшись по сторонам, бородачи открыли заднюю дверцу машины и помогли выбраться высокому худому старику, который держался так, будто его тело заостенело и потеряло способность сгибаться.

Отблески неоновых светов, который заливал крошечную бензоколонку нефтяной корпорации «Петробрз», находившуюся почти напротив коттеджа, позволили Вольфгангу на какое-то мгновение разглядеть мертвецки бледное лицо старика. Это был Густл, он же Густав Вагнер! **а**

Пытаясь усмирить запрыгавшее в груди сердце, Вольфганг постоял в тени мангового дерева. Когда за тремя мужчинами захлопнулась дверь дома, он быстро прошёл мимо.

Номер на этом строении отсутствовал, но соседний коттедж значился под цифрой 34. Оставалось выяснить название тёмной улицы. Пришлось дойти до первого перекрёстка, где на низкой бетонной пирамидке было мелко высечено: ра Тираднтис. Трудно найти на карте Бразилии город или посёлок, в котором не встретишь улицу или площадь, названную в честь этого национального героя, в XVIII веке боровшегося за свободу своей страны от португальской короны и казнённого в 1792 году. Будучи зубным врачом, он вошёл в историю под прозвищем «Выдери зуб», как переводится с португальского языка слово *tiradentes*. Удастся ли на сей раз беспощадным охотникам на бывших фашистов выдрать очередной нацистский «зуб»? **у е**

XX

Информацию о добровольной «командировке» Вольфганга в штат Мату-Гросу, длившейся менее суток, Алексей счёл очень полезной.

– Вы делаете несомненные успехи, – наставительным тоном сказал он. – Почему бы Вам не стать профессиональным разведчиком? Уверю, это очень интересная, захватывающая профессия, приносящая большое удовлетворение и придающая острый вкус, в общем-то, пресной жизни современного человека.

Вольфганг усмехнулся и вежливо, но холодно поблагодарил советского «товарища» за откровенность и высокое доверие, дав, однако, понять, что отнюдь не жаждет участвовать в выполнении каких-либо новых «благородных миссий». И даже мелких поручений и элементарных просьб.

– Что Вы, – заметно смутившись, ответил тот, – мы вовсе не собираемся злоупотреблять Вашими угрызениями совести, добротой и расположением к нам.

...Размеренный ритм жизни возобновился: работа – светские мероприятия – отдых в клубе предпринимателей по воскресеньям, где можно было размяться, играя с коллегами в теннис, «петку» – разновидность бадминтона, но без ракеток: по тяжёлому волану надо бить голый ладонью, преодолевая боль, – или в гольф. Участилось общение с бразильскими друзьями, в основном, местными коллегами-фирмачами, банкирами и высокопоставленными служащими правительственных учреждений, расплодившихся в новой столице южноамериканского гиганта. **а**

А чтобы как-то встряхнуться, очередной короткий отпуск семья Вахендорф решила провести в Буэнос-Айресе, слывшем среди иностранцев в Бразилиа «латиноамериканским Парижем». И к тому же всемирной столицей танго!

Да, соседняя страна вполне оправдала многие ожидания. По-старомодному солидный Буэнос-Айрес произвёл на Вольфганга и Татьяну очень приятное впечатление, прежде всего, своей внешней схожестью с крупными западноевропейскими городами, а также богатой культурной жизнью. Они обнаружили, что только театров в аргентинской столице – около семи десятков, среди которых знаменитый Оперный имени Колумба. Татьяна захлопала в ладоши, узнав, что на открытии этого храма искусства в 1908 году пел её великий соотечественник Фёдор Шаляпин, а кроме него на сцене «Колумба» выступали Анна Павлова, группа Дягилева...

Они вволю насмотрелись спектаклей, новых западноевропейских фильмов – здесь их показывали лишь немного реже, чем надоевших изделий Голливуда. И смогли отдохнуть от бесконечных бразильских телевизионных новелл – «мыльных опер», которыми пичкала зрителей крупнейшая компания «Глобу». Её хозяйева-мультимиллионеры упорно пытались внушить беднейшему населению своей страны отрадную мысль: богатые тоже люди; иногда поплакать приходится даже сильным мира сего. Нужно только ещё немного потерпеть, и этот приятный для обездоленных момент обязательно наступит. А значит, и справедливость наконец-то восторжествует.

Пожалуй, если бы хозяйева строительной компании предложили Вахендорфам переехать в Буэнос-Айрес, источающий по вечерам пленительные мелодии Астора Пьяццоллы и Карлоса Гарделя, в город, где по выходным в парках и на танцплощадках ресторанов проходят самодеятельные конкурсы исполнителей танго среди всех желающих, независимо от возраста и социального положения, они вряд ли стали бы возражать.

По возвращении из отпуска Вольфганг снова окунулся в повседневную рутину.

XXI

На поездке в столицу Аргентины настояла Татьяна. Она попыталась оторвать мужа от посторонних дел, о которых смутно догадывалась по его частым неловко объясняемым отлучкам. Иногда он не являлся домой даже в обеденное время, которое они привыкли считать обязательным для общения за трапезой в те дни, когда не посещали званые коктейли и приёмы. Неужели появилась любовница? Нет, Татьяна слишком доверяла ему, чтобы допустить крамольную мысль о предательстве их взаимного чувства.

Скорее беспокойство вызывали встречи Вольфганга с друзьями из ГДР, а тем более с некоторыми русскими, в её отсутствие. Из недомолвок понять всего она, конечно, не могла, да и не пыталась. Но что-то предполагала и старалась домыслить. Вмешиваться не решалась, хотя испытывала немалую тревогу: вдруг за какие-то недозволенные действия её мужа арестуют и подвергнет пыткам местная тайная полиция? Правда, агенты спецслужбы ведут беспощадную борьбу, кажется, только с находящимися в подполье коммунистами. Но кто даст гарантию безопасности, ведь Вольфганг – бизнесмен, он не защищён дипломатической неприкосновенностью. У него даже служебный автомобиль с обычными бразильскими номерами...

Татьяне оставалось надеяться, что рано или поздно муж добровольно поведаёт хотя бы о некоторых сторонах своей нынешней параллельной жизни, чтобы рассеять собственные сомнения, омрачавшие его, как она чувствовала, едва ли не с первых дней пребывания на латиноамериканском континенте.

XXII

Однажды вечером выпуск телевизионных новостей компании «Глобу» ошарашил Вольфганга сенсацией:

«В местечке Атибья, штат Сан-Паулу, арестован 70-летний немец по фамилии Вагнер. Он жил в скромном домишке, комнаты которого украшали картины, принадлежащие кисти самого хозяина. Комиссар местной полиции полагает, что это – нацистский преступник, известный как «Палач Треблинки». а

На первой же очной ставке один из бывших узников концлагеря – польский еврей-иммигрант, живущий в нашей стране, опознал его. Но у этого Вагнера, похоже, «не все дома»: он заговаривается, путает имена и даты. К тому же почти не знает португальского языка, хотя давно живёт в Бразилии и имеет её паспорт. Немец помещён в психиатрическую лечебницу, где находится под круглосуточной бдительной охраной. А сейчас послушайте отрывок магнитофонной записи во время очной ставки, который удалось раздобыть нашему репортёру».

На разделённом пополам телеэкране появились чёрно-белые фотографии двух пожилых мужчин: орлиный профиль седого австрийца, похожего на сурового бразильского генерала Эрнесту Гайзела, ставшего к тому времени президентом страны, и одутловатая физиономия лысого, с виду добродушного поляка. Встреча проходила в отделе политической полиции города Сан-Паулу.

Подпись под фотографией первого гласила: «Густав Вагнер, бывший заместитель начальника концлагеря „Собибор“, виновный, как полагают, в гибели около 70 тысяч человек еврейской национальности».

Строка под снимком поляка поясняла, что это Станислав Смайтнер, бывший узник «Собибора», опознавший австрийца, которого бразильская пресса упорно именовала немцем.

– Привет, Густав! Не узнаёшь? А мне так и не удалось стереть твою мерзкую физиономию из памяти. После того, что ты творил с незащитными людьми, забыть тебя не было никакой возможности. Сколько раз все минувшие годы ты являлся мне в самых ужасных снах, и я просыпался в холодном поту, мечтая задушить тебя собственными руками. Жизненные силы мне придавала одна лишь уверенность в том, что бог обязательно покарает тебя и остальных человекоподобных чудовищ. И вот теперь это должно свершиться. Лучше поздно, чем никогда!

о

– Я тоже вспомнил тебя. Это я снял тебя и твоих братьев с эшелона, когда вас доставили в «Собибор». Я спас тебе жизнь, послав работать в мастерскую. А ведь ты тогда был ещё сопливым мальчишкой.

– Ты послал меня в мастерскую, потому что я уже знал ювелирное ремесло. Ты и твой начальник Франц Штангль коллекционировали ювелирные украшения, которые мы вам делали из золотых коронок зубов, вырванных или выбитых не только у мёртвых, но и у живых узников. Я сам видел немало таких сцен! Моих родителей ты отправил прямиком в газовую камеру, потому что они не были ювелирами. Туда же ты швырял и сотни малолетних детей, даже младенцев, лишь потому, что это были евреи, в большинстве своем польские, голландские и словацкие. А мне посчастливилось уцелеть только благодаря подвигу советского заключённого-смертника, настоящего героя Александра Печерского, организовавшего массовый побег в октябре 1943-го...

– Я никого не убивал, ни в чём не виноват и не раскаиваюсь. Я лишь выполнял приказы Франца Штангля. А приказы не обсуждаются, тем более – во время войны...

– Ты нагло лжёшь! Это ты решал, кто из узников должен умереть немедленно, а кому предстояло ждать своей очереди в застенках. Ты безжалостно орудовал кнудом, разделяя

людей, как скотину, на группы смертников. Будь мужчиной и хоть раз в жизни посмотри правде в лицо!

– Ты заплатишься за эти слова. Да, я сортировал этих нелюдей и в «Собиборе», и в «Треблинке», потому что поддерживал идеи расовой гигиены. У меня была неограниченная власть над всеми вами! Но ты зря думаешь, что те времена канули в Лету. Ошибаешься. Мне жаль тебя. У нас хватит сил, чтобы стереть в порошок таких, как ты!..

«Меж тем нам остаётся добавить: по мнению беспощадного охотника на нацистов, знаменитого еврея, архитектора по профессии Симона Визенталя, в Южной Америке, прежде всего в Аргентине, Парагвае, Чили, Боливии, да и в нашей стране до сих пор преспокойно живут около половины из десяти тысяч бывших эсэсовцев и их подручных разных национальностей, которым удалось скрыться от правосудия после Второй мировой войны.

Знающие люди называют такие зловещие имена, как «Ангел смерти» доктор Менгеле или житель Рио-де-Жанейро, ныне пенсионер Альбрехт Густав Энгельс. Если верить расследованию журнала «Вжа», этот сеньор – в недавнем прошлом директор филиала компаний «Телефункен» и «Мерседес-Бенц» в Бразилии – во время войны был шефом германской разведки в нашей стране. Возглавлявшаяся им шпионская сеть снабжала «Абвер» информацией о передвижениях военных кораблей и транспортных судов союзников в Южной Атлантике. Она передавала и секретные данные об американской военной промышленности. Немецкие агенты действовали почти открыто до тех пор, пока Бразилия не вступила в войну на её завершающем этапе на стороне антигитлеровской коалиции. е

Всем нам, бразильцам, есть над чем поразмыслить, взвесить плюсы и минусы подобного гостеприимства. И, возможно, принять какие-то ограничительные меры. Пусть даже символические. Репутация такой большой страны, как наша, которая претендует на заметную роль в важных международных делах, не должна страдать из-за присутствия недобитых фашистов».

XXIII

На следующий день все газеты выстрелили аршинными заголовками, оповещавшими об аресте Густава Вагнера по кличке Густл.

Одна из них, ссылаясь на медицинскую сестру сан-паульской лечебницы, утверждала, что в первую же ночь старик попытался покончить с собой довольно оригинальным способом: растоптав собственные очки, успел наглотаться стекла. Пациенту пришлось срочно и неоднократно промывать желудок с помощью клизмы. После этой процедуры он принялся биться головой о стену, и санитарам потребовалось немало усилий, чтобы его усмирить.

Через неделю телевидение и пресса замолчали об этом нашумевшем деле так же синхронно, как и известили об аресте Вагнера. Однако ещё через какое-то время на первых полосах газет снова появились имя и фотографии этого австрийца. Сообщалось, что он выбросился из окна психиатрической больницы уже в городе-спутнике столицы – Тагуатнге, – и разбился насмерть. Возможно, его доставили в город Бразилиа для суда или начала процедуры выдачи властям Западной Германии. Сразу несколько досужих репортёров стали задавать риторический вопрос: а не помог ли кто-то неведомый самоубийству матёрого нацистского преступника, чтобы замести следы, ведущие к его «коллегам»? **И**

Но Вольфганга взволновал совсем другой вопрос: в какой мере он оказался причастен к поимке Густава Вагнера (и, следовательно, к его смерти), если австрийца схватили не агенты «Моссада», а арестовала местная полиция? Этого он не знал, и, пожалуй, вряд ли когда-нибудь узнает.

Самое удивительное – он не испытывал ни малейшей жалости к несчастному старику. Более того, не сдержавшись, не без гордости сказал Татьяне, что «приложил руку» к поимке этого «мясника». Она опешила, но расспрашивать о подробностях не стала. Бросив на него пронзительный взгляд, поинтересовалась, не раскаивается ли он в содеянном, не мучают ли его угрызения совести – ведь он взял большой грех на душу.

– Ничуть не бывало! – с наигранной весёлостью ответил Вольфганг. – Напротив, я снял часть греха с моей души. И тебе ли не знать, какого именно.

XXIV

Медленное течение жизни в Бразилиа снова вошло в размеренно-скучноватую, убаюкивающую колею. Иногда Вольфганг ловил себя на шутливой мысли, что был бы готов, пожалуй, поучаствовать ещё в какой-нибудь аванюре, «полезной прогрессивному человечеству». На этот раз просто чтобы пощекотать себе нервы.

Однако советские «товарищи» словно забыли о его существовании. Ни телефонных звонков, ни приглашений – вообще никаких знаков внимания и даже проявлений элементарной вежливости. Что ж, так даже лучше. Пресное бытие тоже имеет свои плюсы. Пройдёт год-другой – и настанет пора собираться домой, в Европу. А там возобновится совсем другая жизнь; тропическая страна останется в биографии лишь не всегда приятным воспоминанием.

Как вдруг приглашение в торговое представительство СССР на прощальный приём оповестило сеньора Вахендорфа с супругой о предстоящем отъезде Алексея в Москву.

Но ещё до того, как их русский знакомый распрощался с Бразилией, произошли события, к которым, как не сомневался Вольфганг, каким-то образом были причастны именно Алекс и его восточногерманские коллеги. Хотя эти события начались по другую сторону Атлантического океана – в далёкой Португалии, бывшей метрополии Бразилии.

О случившемся Вольфгангу подробно поведал советник по культуре посольства ФРГ. Когда Отто Шеффер возвращался из отпуска к месту службы в Бразилиа, его угораздило остановиться на два дня в шикарном старомодном лиссабонском отеле «Ритц». И он стал невольным свидетелем ужасного эпизода загадочной детективной истории, который так впечатлил его, что он не жалел эмоций и ярких красок, делясь увиденным с коллегами и знакомыми соотечественниками.

XXV

...В осенних сумерках Лиссабона вспыхнули первые неоновые вывески и рекламные лозунги. Тщательно ухоженный парк имени английского короля Эдуарда VII, волнистыми террасами спускающийся к округлой площади имени Маркиза Помбала, ещё только дождался любителей спокойного вечернего моциона. Его дорожки были безлюдны, скамейки пусты. Из ресторана пятизвездочного отеля «Ритца», что возвышается над живописными аллеями, доносились звуки джаза.

У входа в отель остановился «Ягуар» цвета серый металлик. Из машины выскочили два рослых парня и услужливо распахнули заднюю дверцу, через которую не спеша выбрался старик плотного телосложения. Одет он был скромно, почти бедно. В правой руке держал массивную трость, в левой – старомодную фетровую шляпу. В сопровождении молодых людей мужчина засеменил к стеклянным дверям «Ритца», где застыли два швейцара в раззолочённой униформе.

Вдруг сзади раздался визгливый женский голос:

– Герр Оберст!

Старик вздрогнул, словно споткнувшись о невидимый порог, и резко обернулся. Раздались два приглушённых хлопка, и он рухнул на белую брусчатку с затейливым чёрным орнаментом. Телохранители бросились к молодой элегантной блондинке, но из стоявшего неподалёку чёрного «Фиата» без номеров прогремели pistolетные выстрелы, сбившие обоих верзил с ног.

Женщина метнулась к «Фиату», однако её перехватили неожиданно появившиеся полицейские. Машина сорвалась с места и, визжа шинами, предательски растворилась в темноте мощённых бульваром узких улиц. Стражи порядка скрутили женщину, надели наручники и поволокли к патрульному автомобилю, который перед самыми выстрелами случайно появился недалеко от «Ритца».

XXVI

Через несколько часов всё ещё перепуганные постояльцы фешенебельного отеля, в основном, иностранцы, начали покидать свои номера. Они столпились в холле у двух телевизоров с большими экранами. Не веря своим ушам, внимательно слушали перевод на английский язык, который им обеспечивал не менее потрясённый метрдотель.

Взволнованный диктор вещал:

«Как уже призналась убийца бразильского гражданина немецкого происхождения, имя которого уголовная полиция Португалии пока держит в тайне, она – бывший агент печально знаменитой секретной службы Восточной Германии «Штази», из которой якобы была уволена ещё пять лет назад. Преступница утверждает, что выполняла конкретное задание иностранной организации, не связанной с её страной. Остаётся только гадать, какой? А также выяснить, кто стоит за этой организацией – государство или некая мафия. Наши стражи порядка столкнулись с очень трудной задачей.

Так или иначе, осведомлённый источник в полиции нам сообщил: убитый, вероятно, был одним из боссов таинственного проекта «Рассвет в сельве», что в бразильской Амазонии, о котором за океаном ходит много фантастических слухов, проверить которые нет возможности. Не исключено, что «немецкий бразилец» или «бразильский немец» – бывший нацистский преступник, скрывавшийся в Южной Америке после Второй мировой войны и приехавший в нашу страну по какому-то важному делу. Не случайно убийца упорно называет его Полковником, и, похоже, действительно не знает его настоящего имени. А на остальные вопросы наотрез отказывается отвечать.

Учитывая давнюю «любовь» Израиля к нацистам, можно предположить, что именно его спецслужба «Моссад» прибегла к услугам профессиональной террористки из Восточной Германии. Правда, возникает вопрос о неожиданном и нелогичном «сотрудничестве» этих враждующих между собой стран. Как бы то ни было, мы обязательно будем своевременно освещать для вас, уважаемые телезрители, все перипетии расследования этого, судя по всему, крайне запутанного дела».

Снова и снова повторяя свой рассказ, Отто Шеффер был готов держать пари, что потрясшее его дерзкое убийство никогда не будет раскрыто, поскольку следователям не удастся вывести имена заказчиков, а тем более – их цели.

XXVII

И снова скука, скука, ах, какая же скука... Ну как одолеть её в этом чопорном городе? Разве что опять съездить на уик-энд в прекрасную бывшую столицу тропической страны, «благословлённой самим богом», как поётся в популярной босса-нове.

...Жаркий январский день клонился к вечеру, когда они медленно прогуливались по проспекту Атлантика, наслаждаясь шумом океанского прибоя в заливе Гуанабара. Посещая Рио-де-Жанейро, купаться предпочитали в гостиничных бассейнах с морской водой: о местных пляжах, точнее, о коварном прибрежном подводном течении, ходила слава, отпугивающая любого здравомыслящего иностранца. Не так уж давно, например, здесь утонули советский посол и бросившийся ему на помощь стажёр дипломатической миссии. К тому же Вольфганг и Татьяна не считали себя искусными пловцами. **а**

Они присели за укрытый ярким зонтом столик уличного кафе, чтобы выпить по ледяному коктейлю. Не успели сделать заказ, как по соседству разместилась стайка разомлевших от солнца иссиня-белых пожилых американцев.

Все они, даже женщины, были в сильно декольтированных футболках и коротких шортах, выставлявших напоказ узловатые вены, а то и шрамы от перенесённых хирургических операций или от иных невзгод долгой и бурной жизни. Пенсионеры дружно потягивали холодное пиво и кока-колу. Их громкая болтовня сводилась к обсуждению чересчур уж смелых купальников-бикини на местных девушках, вызывающе фланировавших по набережной.

Вдруг энергичная старушка в белых шортах и майке с надписью I Love Rio вскочила с пластикового стула и закричала своим спутникам:

– Смотрите, смотрите какое прекрасное шоу! Где ещё увидишь такое? Нет, правда, Бразилия – чудесная страна!

Все запрокинули головы и начали аплодировать.

На небольшой высоте над проспектом Атлантика летел вертолет французской марки «Пума». На длинном куске троса под его фюзеляжем был хорошо различим силуэт человека.

Американские туристы восторженно обсуждали бесплатное зрелище, восхищаясь смелостью циркача, который явно рисковал жизнью – наверняка за немалые деньги. Вспыхнул спор: сколько ему заплатили за сногшибательный трюк? Согбенный лысый джентльмен лет восьмидесяти с массивным слуховым аппаратом на ухе, чересчур громко объявил, что готов повторить подобный полёт, но не менее чем за миллион долларов. Его слова заглушил взрыв хохота американских жизнелюбов.

Из кафе поспешно вышел хозяин-бразилец. Загорелое лицо толстяка было озабоченным. На ломаном английском он сказал туристам:

– Только что сообщили по радио, что из тюрьмы с помощью неизвестных сообщников сбежал опаснейший преступник по кличке Итальянец. Он воспользовался вертолётom без опознавательных знаков. Представляете, какие могущественные силы организовали побег?! Вот что я вам скажу, дамы и господа: об этом мафиозо ходили слухи, будто он работал на вашего соотечественника мистера Джеймса Льюиса...

– А кто он такой, этот мистер Льюис? – живо поинтересовался турист в больших тёмных очках и смешной панамке.

– Как, вы не слышали о всемогущем миллиардере, хозяине амазонской империи «Рассвет в сельве»? Говорят, площадь его земель превосходит территорию нескольких небольших западноевропейских стран, вместе взятых. То же самое можно сказать и о богатствах недр этого владения. Но проверить слухи невозможно, никто не отважится сунуться в вотчину магната Джеймса Льюиса после того, как это попытались сделать трое газетчиков. Все они бесследно исчезли и их давно уже никто не ищет.

Вольфганг насторожился. Опять мифический «Рассвет в сельве», упомянутый советником по культуре господином Отто Шеффером в его повествовании об убийстве пресловутого «Полковника». Уж не идёт ли речь о неизвестном государстве в государстве на бескрайних просторах Бразилии? Знают ли что-то о громадном анклав вездесущие советские и восточногерманские агенты? Нет, лучше не задавать им такого вопроса, чтобы снова не напомнить о себе.

XXVIII

...Вертолёт, плавно снижаясь, сделал круг над зелёным морем джунглей. Внизу блеснула широкая лента реки с огромной плавучей целлюлозно-бумажной фабрикой у берега. Открылся вид на просторный квадрат тщательно спланированного участка тёмно-красной земли. Бросалось в глаза, что он симметрично застроен приземистыми двухэтажными коттеджами. Поодаль, более глубоко в лесу, различимы небольшая часовня и многочисленные объёмы барачного типа. На первый взгляд они казались необжитыми и необитаемыми.

Вертолёт мягко сел на площадку и сразу затих, лопасти его огромного винта устало обвисли. Пилотов и беглеца встретили люди, подъехавшие на джипе. Они затолкали «Итальянца» в кабину и мигом доставили к сверхсовременному зданию офиса из бетона, стекла и стали, находящемуся всего в нескольких сотнях метров.

Внутри помещения веяло спасительной прохладой, бесшумно работали мощные кондиционеры. Дымчатые стёкла широкого окна в роскошном кабинете, обставленном мебелью из натуральной кожи, фильтровали яркий солнечный свет, создавая уютный рассеянный полумрак.

Вальяжно развалившийся в кресле бежевого цвета холёный бразилец лет шестидесяти не ответил на льстивое приветствие «Итальянца», полностью посвятив себя раскуриванию трубки. И лишь аппетитно выпустив несколько клубов ароматного дыма, обратился к понуро стоявшему перед ним беглецу в тюремной робе.

– Мне успели доложить, что ты имеешь наглость утверждать, будто не «запел» в своей вонючей клетке. Зря упорствуешь, ведь ты должен объяснить, как, по твоему, агенты восточногерманской охраны смогли выйти на след «Полковника» в Лиссабоне и без проблем убрать его?

– Не знаю, сеньор Раймнду. Видит бог, я тут не при чём. Ничего не слышал ни про каких агентов... у

– Если не ты, кто же ещё мог рассказать о нацистской биографии «правой руки» босса? Или догадаться, что он пересёк океан, чтобы продать нашим арабским клиентам уран для ядерного реактора? Отвечай!

– Откуда мне знать, сеньор Раймунду? Может, кто-то из рабочих нашей фирмы настучал иностранцам. Но, что до меня, то клянусь всеми святыми, на допросах я молчал, как рыба. Не зря мои предки родом с Сицилии; я тоже верен древнему обычаю – «омерт. а»

– Жаль, что тебя не сбросили с вертолёта в реку на корм пираньям, а притащили сюда. Не дури мне голову! Кому и за сколько ты продал полезную информацию, и какую именно из двух? Даю последний шанс. Признавайся, если не хочешь напоследок прокатиться на «автопоезде»!

– Нет, сеньор Раймунду, только не это! Клянусь, я получил срок по приговору лишь за одно убийство – того слишком настырного помещика, который пытался протестовать против скупки нашей компанией участков земли в Амазонии, помните? О других моих «мокрых делах», которые Вы мне поручали, а тем более – о наших связях с арабами – им ничего не удалось выведать. Да они и не пытались, поверьте мне на слово. Если не верите, позвольте лучше застрелиться или повеситься!

Хозяин кабинета брезгливо поморщился и молча нажал кнопку звонка.

Всхлипывающего «Итальянца» увели два головореза.

XXIX

Ранним утром мощные потоки испарений, поднимаясь с влажной земли и тесно переплетённых крон, сливались в единый столп-великан. Он медленно окутывал чащобу и постепенно уходил в неведомую высь, размывая силуэты гигантских деревьев и придавая им причудливые, пугающие формы.

С первыми лучами солнца послышалась громкая разноголосица птиц, перекличка обезьян, наглый хохот неведомых зверей, гортанные выкрики заспоривших о чём-то огромных длиннохвостых попугаев ара. Тропический лес спешил стряхнуть с себя остатки короткого беспокойного сна, готовился жадно впитать щедрую энергию ползущего по небу над экватором Светила и запастись ею на целые сутки. Чтобы всё повторилось на следующее утро, если небеса не обрушат на сельву очередной тропический ливень, напоминающий водопад.

На узкой просеке у высокого, обвитого толстыми лианами дерева, остановились два белых вездехода. Из первого трое «накачанных» мулатов вытащили слабо сопротивлявшегося «Итальянца». Запястья его рук были стиснуты наручниками. Он мелко дрожал, что-то бормотал, но пощады уже не просил.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.